

18+

ВЛАДИМИР ТОРМЫШОВ

Инструкция по эксплуатации вечности

Владимир Тормышов

**Инструкция
по эксплуатации вечности**

«Издательские решения»

Тормышов В.

Инструкция по эксплуатации вечности / В. Тормышов —
«Издательские решения»,

Как спать в гробу, если спина болит? Как платить за свет вечно? Таня-вампир из Двуречек составила честную инструкцию по эксплуатации бессмертия.
Спойлер: вечность пахнет соляжкой и борщом.

Содержание

Инструкция по эксплуатации вечности	6
Кладбище	7
Нежить, букет и козья радость	9
Кладбищенский конфуз, или О пользе серебряных сережек	11
Таня, Костян и хиты из склепа	13
Дискотека на плотине: Таня, Костян и «Ретро FM»	15
Сельская милонга, или Как Костян с нежитью рассвет встречали	17
Как отец Никодим с нежитью боролся	19
Прощальный бал, или Как Таня нежить в свет выводила	21
Как Таня агронома на чеснок поймала	23
Египетская сила, или Как Таня картошку украшала	25
Перья для вампира, или Огород Семена в Двуречках	27
Кровь, пот и телевизор в Двуречках	29
Капельный полив вечности	31
Офсайд из преисподней, или Танин «Зенит»	34
Кубок грязи, или Как Двуречки чуть не стали Липецком	37
Футбольный экзорцизм, или Дело о живом мяче	40
Комбикорм с клыками, или Диета по-вампирски	42
Диалектика шерсти, или Крах идеализма в Двуречках	45
Красная Шапочка и дистилляция, или Менделеев из Двуречек	47
Деконструкция огурца, или Анатомия разрыва в Двуречках	50
Багаж кармического веса, или Прощание славянки в Двуречках	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Инструкция по эксплуатации вечности

Владимир Тормышов

© Владимир Тормышов, 2026

ISBN 978-5-0070-9005-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Инструкция по эксплуатации вечности

Вы когда-нибудь задумывались, каково это — жить вечно в деревне Двуречки? Нет? И правильно делали. Потому что там даже комары живут дольше, чем ваши надежды на спокойную старость.

Главная героиня этой книги — Таня. Она вампир. Но не из тех, кто сверкает на солнце и страдает от неразделённой любви к школьницам. Наша Таня — женщина с опытом, ипотекой (бессмертие не освобождает от коммунальных платежей) и экзистенциальной тоской размером с трактор «Беларусь».

В комплекте с книгой вы получаете:

— Подробное руководство, как объяснить соседям, почему ты не стареешь, а только становишься бледнее и злее.

— Советы по садоводству для тех, кто спит днём (спойлер: помидоры всё равно знают).

— Секреты танго с трактористом Семёном, который пахнет соляжкой и фатализмом.

— Рецепты борща, которые переживут ядерную зиму и вашего последнего поклонника.

Это книга о том, что вечность — это просто очень длинная очередь в сельпо. О том, что настоящая любовь случается не раз в столетие, а каждый четверг в клубе «Романтик» под баян дяди Коли. И о том, что если у тебя есть бессмертие, но нет чувства юмора — лучше сразу попроси Петровича с костылём вбить в тебя осиновый кол.

Осторожно: после прочтения может возникнуть непреодолимое желание переехать в деревню, завести козу и научиться страдать красиво. Автор ответственности за внезапные приступы меланхолии и покупку чёрных шалей не несёт.

Кладбище

Таня, вампир из Двуречек, — натура тонкая, возвышенная. В её личном деле, если бы оно у неё было, в графе «хобби» значилось бы «гулять по ночному кладбищу и предаваться экзистенциальной тоске». А что ещё делать, когда ты бессмертна, все сериалы пересмотрены, а в холодильнике только свекольный и томатный сок, которые ты на дух не переносишь?

В ту ночь Таня накинула на плечи свой лучший чёрный плащ (тот самый, который она купила на распродаже «Всё по 999» в торговом центре «Тьма»), взяла термос с чаем из мяты и отправилась на старое кладбище. Луна светила так ярко, что можно было читать мелкий шрифт в договоре с дьяволом, не включая фонарик.

Таня бродила между покосившимися крестами и думала о высоком. Например, почему у неё до сих пор нет парня. «Может, я слишком требовательна? — вздыхала она, поправляя челку. — Или просто страшная? Хотя нет, я же вампир, я по определению красивая. Просто мужики нынче пошли... не мертвые».

И тут из-за гранитного склепа с надписью «Здесь покоится кто-то важный» раздался глухой стон.

— Ой! — пискнула Таня и чуть не выронила термос.

Из-за угла выплыло нечто. Это была нежить. Классическая такая, без изысков: саван в пятнах плесени, одна нога волочится по земле, а вместо лица — голый череп с остатками плоти. В руках он держал букетик увядших ромашек.

Нежить остановилась, уставилась пустыми глазницами на Таню и снова издала утробный звук:

— У-у-у... Буэ-э-э...

Таня опешила. Она ожидала чего угодно: нападения, попытки выпить её кровь (что было бы крайне неловко), но не этого. Она поправила воротник плаща и решила взять инициативу в свои холодные руки.

— Мужчина! — строго сказала она. — Во-первых, вы пугаете. Во-вторых, вы забыли снять ценник с савана. Вижу бирку на спине. Это моветон. И вообще, что за манеры? Вы даже не представились.

Нежить от удивления уронила ромашки. Челюсть у него отвисла окончательно и с глухим стуком упала на гравий дорожки.

— Я... я... — проскрипел он, пытаясь подобрать слова. — Я тут гуляю.

— Я тоже гуляю! — обрадовалась Таня. — Какое совпадение! А вы один?

Нежить кивнул черепом.

— Я тоже! — Таня лучезарно улыбнулась, демонстрируя клыки. — Знаете, в Двуречках так сложно найти приличного собеседника. Все либо спят, либо на работе в мясном отделе. А вы... вы такой... аутентичный. Настоящий ходячий мертвец. Не то что эти городские вампиры на электросамокатах.

Нежить смущённо шаркнул костлявой ногой.

— А что это у вас? Чай? — он принялся. — Пахнет... жизнью.

— Это мята! — гордо сказала Таня. — Очень полезно для цвета лица. Хотите? У меня и стаканчик запасной есть.

Нежить задумался. В его пустом черепе явно шла титаническая борьба между инстинктом «сожрать всё живое» и внезапно проснувшимся желанием быть галантным кавалером.

— Ну... если только глоточек... — неуверенно проскрипел он.

Они сели на поваленное дерево. Таня разлила чай по крышкам от термоса.

— За знакомство? — предложила она.

Нежить осторожно взял крышку двумя пальцами и выпил залпом.

— М-м-м... — прогудел он. — Как будто лето вспомнил. Давно я лето не помнил... С тысяча восемьсот лохматого года.

Они болтали до самого рассвета. Таня жаловалась на тётю Клару, которая заставляет её пить чесночную настойку «для иммунитета», а нежить рассказывал о том, как трудно найти хорошего гробовщика в наши дни — всё халтурят, скрипит потом всю ночь, спать невозможно.

Когда небо на востоке начало розоветь, нежить засуетился:

— Ой, мне пора! Солнце встаёт! Надо успеть в склеп до первых лучей!

— Давайте я вас провожу? — предложила Таня. — А то ещё рассыплетесь по дороге, неудобно будет перед соседями.

Он довёл её до калитки кладбища.

— Спасибо за чай... и за разговор. Вы... вы очень живая для вампира.

— А вы очень романтичный для скелета с ромашками, — парировала Таня и протянула ему визитку (нарисованную от руки на картонке). — Звоните. Ночью я всегда свободна.

Нежить взял картонку дрожащими костями и скрылся в утреннем тумане.

Таня шла домой абсолютно счастливая. Наконец-то у неё появился шанс на личную жизнь. И пусть её избранник немножко разложился и пахнет могилой — зато он надёжный. И цветы принёс. А это главное.

Нежить, букет и козья радость

Таня, вампир из Двуречек, была девушкой прогрессивной. В её личном дневнике, который она вела в приложении «Заметки» на смартфоне, значилось: «Встать в полночь, проверить почту, погулять по кладбищу». Она считала, что свежий ночной воздух полезен для цвета лица, а тишина способствует творческим порывам. В основном — порывам написать грустный пост о том, как тяжело быть бессмертной.

В ту ночь погода выдалась на редкость располагающей. Туман стелился по низинам так густо, что Таня дважды чуть не споткнулась о собственную тень. Она шла по главной аллее, размышляя о бренности бытия и о том, что в холодильнике опять закончились донорские пакеты первой отрицательной.

Вдруг из-за покосившегося склепа с надписью «Здесь покоится дед Матвей. Просьба не шуметь» донеслось подозрительное шуршание.

— Кто здесь? — строго спросила Таня, поправляя капюшон худы.

Из тумана материализовалась знакомая фигура. Это был Костян. При жизни он был местным блогером и знатным прокрастинатором, а после смерти стал просто знатным прокрастинатором, но уже в виде скелета. Таня знала его ещё с тех пор, как он пытался снять обзор на местный морг для своего канала.

— О, Танюха! — радостно скрипнул суставами Костян. — А я вот тут... гуляю. Ностальгирую. Смотрю — ты! Дай, думаю, подойду.

— Костя, ты меня напугал. Я чуть не уронила телефон в сырую землю. А это была бы трагедия века! Там все мои селфи с летучими мышами.

Костян смущённо переступил с ноги на ногу (точнее, с берцовой кости на фалангу).

— Это... ну... в общем... это тебе.

Он протянул ей огромный, слегка пожухлый букет. В лунном свете Таня разглядела мелкие желтые цветочки и пушистые листья.

— Что это? — Таня принялась. Запах был специфический: смесь мокрой шерсти и чего-то кисломолочного.

— Козья радость! — гордо заявил Костян. — Я сам собирал! Там, за оврагом, у старого сарая дяди Паши. Знаешь это место? Там её целые заросли.

Таня с опаской взяла букет двумя пальцами, стараясь не уколоться о шипы.

— Костян... Спасибо, конечно... Но ты уверен? Это же сорняк. Его козы едят.

— Вот именно! — оживился скелет и даже попытался подмигнуть пустыми глазницами. — Это же козья радость! Значит, это очень романтично! Я читал в интернете... ну, то есть я помню, как читал... что дарить девушке то, что едят животные — это высший пилотаж ухаживания. Это значит: «Ты такая же милая и пушистая, как козочка».

Таня посмотрела на Костяна, потом на букет «Козьей радости», который уже начал осыпаться ей на кроссовки мелким сором.

— Костян... Ты такой милый идиот.

Она вздохнула и свободной рукой потрепала его по голому черепу.

— Ладно, давай свой веник. Поставлю его в вазу с надписью «Ядерные отходы». Будет концептуально.

Костян расцвел так, как может расцвести только скелет — то есть его ребра слегка раздвинулись в подобии улыбки.

— Правда? Ты не злишься?

— Злюсь? За что? За то, что ты единственный в этом захолустье помнишь про мой день рождения? За то, что притащился ночью на кладбище с цветами? Да я сейчас расплачусь от умиления.

Таня действительно шмыгнула носом (вампиры тоже иногда сентиментальны).

— Пойдем отсюда, Ромео. Проводишь меня до склепа? А то я с этой флористикой боюсь заблудиться в тумане и наступить на ежа.

И они пошли по аллее: вампириша с букетом сорняков и скелет-блогер, который чувствовал себя самым счастливым нежителем на свете.

Кладбищенский конфуз, или О пользе серебряных сережек

Таня была вампиром. Не то чтобы она этого хотела, просто так карта легла. Жила она в Двуречках — поселке городского типа, где из достопримечательностей имелись пруд с мутной водой и круглосуточный ларек «24 часа», торгующий сомнительными чипсами. Днем Таня спала в гробу, который стоял у неё в кладовке рядом с мешком картошки и старым пылесосом «Ракета». А ночью она выходила в люди. То есть, в нежить.

В этот раз Таня решила разнообразить досуг. Вместо привычного маршрута «Крыльцо — Лавка у подъезда — Пруд» она выбрала маршрут «Кладбище». Свежий воздух, тишина, эстетика упадка. Идеальное место для девушки с бледным цветом лица и отсутствием пульса.

Ночь была лунная. Надгробия отбрасывали длинные тени, похожие на сломанные карандаши. Таня шла по центральной аллее, поправляя шарфик. Шарфик был не от холода — просто Таня считала, что он придает ей загадочности. В руках у неё был термос с томатным соком (в пакетах из-под крови она носила только на официальные встречи с Советом Старейшин).

Вдруг из-за покосившегося склепа с надписью «Купец 3-й гильдии» раздался знакомый скрип.

— Танька? Ты чего тут? — спросил голос, полный удивления и легкого хруста.

Из темноты вышел Он. Костя. Знакомый нежить. При жизни он был местным участковым, и блогером, а после смерти просто Костян. Он был скелетом. Очень интеллигентным скелетом. На нем был идеально выглаженный пиджак (костюм сидел на нем как влитой, потому что был частью тела), а в глазницах поблескивали очки в роговой оправе.

Таня почувствовала, как её клыки предательски зачесались. Она испытывала к Косте самые что ни на есть романтические чувства. Ей нравилось в нем всё: и его философский взгляд на бренность бытия, и то, как он элегантно щелкал фалангами пальцев.

— Привет, Костя! — Таня попыталась придать голосу томность, но получилось немного хрипло, как у простуженной вороны. — Да вот, решила проветриться. А то в гробу душно, а на лавке баба Клава опять семечками плюется.

Костя поправил очки костяшкой указательного пальца.

— Понимаю. Я тоже здесь по долгу службы. У нас тут ЧП. На могиле инженера Сидорова кто-то разбил цветочный горшок.

— Вандалы! — ахнула Таня.

— Именно. Я веду расследование. Есть подозрение на оборотней из соседнего района, они вечно всё переворачивают... Слушай, Таня... — Костя замаялся. Скелетам вообще сложно проявлять эмоции — мышцы лица отсутствуют как класс. Но Таня видела, что он волнуется: его коленная чашечка начала слегка подрагивать. — Я давно хотел тебе сказать... Твои клыки... они сегодня особенно белы.

Таня зарделась так сильно, что едва не засветилась в темноте.

— Спасибо! Я их специально чистила содой перед выходом. А твой пиджак... он такой... строгий.

Они стояли друг напротив друга, разделенные узкой тропинкой и вековой пропастью недопонимания. Воздух между ними можно было резать осиновым колом. Таня уже готова была сделать шаг навстречу и сказать что-то вроде «А не выпить ли нам по стаканчику гемоглобина?», как вдруг произошло страшное.

Из кустов сирени, растущих у ограды, раздался громкий шорох и звон бьющегося стекла.

На тропинку выкатился упитанный ежик. В лапках он сжимал пустую бутылку из-под «Жигулевского». Ежик посмотрел на застывшую парочку мутными глазками-бусинками, икнул и произнес:

— Опа! Свиданка! А я думал, тут один упырь шарится...

После чего зверек попытался встать на задние лапки для поклона, но потерял равновесие и рухнул прямо на лакированные туфли Кости.

Таня закрыла лицо руками (ладони были холодные). Это был конец репутации. Свидание века было испорчено пьяным млекопитающим.

Костя же проявил истинно джентльменскую выдержку. Он аккуратно отряхнул пиджак от ежиных иголок и кашлянул:

— Кхм... Кажется, это наш главный свидетель по делу о горшке Сидорова. Он явно что-то видел.

Таня посмотрела на ежа. Тот уже мирно посапывал у ног скелета.

— Да уж... — вздохнула она. — Пойдемте отсюда, товарищ следователь. А то еще кто-нибудь из местных котов выйдет... У меня от их мяуканья мигрень начинается.

Костя галантно предложил Тане локоть (точнее, место чуть выше локтевого сустава).

— Позвольте вас проводить до склепа номер пять?

Они пошли прочь по аллее, оставляя позади храпящего ежа-алкоголика.

— Знаешь, Костя, — сказала Таня, когда они отошли на безопасное расстояние. — А ведь это было самое лучшее свидание в моей нежизни.

— Согласен, Танечка. По крайней мере, теперь мы точно знаем: если что-то случилось в Двуречках — виноват ежик.

И они оба тихо засмеялись в пустоту ночи, нарушаемую лишь далеким лаем собаки и звуком открывающейся банки шпрот где-то в районе частного сектора.

Таня, Костян и хиты из склепа

В Двуречках, где луна светит так тускло, что даже вампиры включают налобные фонарики, Таня готовилась к свиданию. Она накрашила губы помадой цвета «свежая артериальная кровь» и надела своё лучшее платье с декольте до самого гроба. В сумочке, помимо клыков и пропуска в склеп, лежала бутылка «Кровавой Мэри» (для Тани) и термос с горячим чаем (для Кости).

Костя был не совсем вампиром. Он был нежитью. Формально — скелет. Но с душой. И с отличным музыкальным слухом. В прошлой жизни он был ментом, блогером, и еще диджеем на корпоративах лесопилки, поэтому знал все хиты восьмидесятых наизусть, включая те, что крутили на похоронах.

Они встретились у старых ворот. Костя галантно предложил даме локтевую кость. Таня взяла его под руку, стараясь не слишком громко скрипеть зубами от восторга.

— Ну что, Костя, — мурлыкнула она, — куда пойдём? В «Гробинушку» или сразу на танцпол?

— Танцпол закрыт, — проскрипел Костя, поправляя челюсть, которая от волнения немного съехала набок. — Там сегодня профсоюз упырей обсуждает индексацию зарплат в виде литров. Пойдём лучше на старое кладбище. Там акустика хорошая. Эхо из склепов — просто космос.

Они пошли по главной аллее. Под ногами хрустели не только сухие ветки, но и чьи-то забытые рёбра. Таня достала из сумочки портативную колонку.

— Ставить? — спросила она.

— Ставь «Ласковый май», — распорядился Костя. — У меня от этой песни всегда мурашки по коже... ну, то есть, по тому месту, где она раньше была.

Из колонки полились задушевные звуки. Таня и Костя медленно кружились в танце среди покосившихся крестов.

— Ты такая бледная сегодня, — прошептал Костя, глядя на неё пустыми глазницами.

— Это не бледность, это база под макияж! — обиделась Таня. — И вообще, я на диете. Пью только свежеевыжатый гемоглобин.

Внезапно из-за памятника неизвестному герою послышался глухой стук. Потом ещё один. Земля рядом с могилой начала осыпаться.

— О, — обрадовался Костя, — это Петя с ребятами. Вечно они опаздывают, пока все суставы разминают.

Из могилы показалась костлявая рука, затем вторая, а потом и весь скелет в кепке-восьмиклинке. За ним вылез ещё один, в очках без стёкол (для понта), и третий, у которого в руках была гитара без струн.

— Здорово, молодёжь! — проскрипел Петя, отряхивая пиджак от могильных червей. — Чего не звали? Мы тут с Серёгой поспорили: если я вылезу до полуночи, он мне должен будет почку... ну, то есть, свою почку отдаст.

— А гитара зачем? — поинтересовалась Таня.

— Так петь же будем! — удивился скелет с гитарой. — У нас тут сейшен намечается. Мы разучили «Владимирский централ». Только слова забываем на втором куплете. Всё время сбиваемся на «Вставай, проклятьем заклеимённый».

Костя включил погромче музыку. Скелеты выстроились полукругом. Петя взял фальш-старт и начал дирижировать берцовой костью.

— И-и-и... начали! — скомандовал Костя.

Скелеты открыли рты. Из них не вылетело ни звука. Только лёгкий сквозняк и запах нафталина.

— Эх вы! — махнул рукой Костя. — Опять без репетиции! Ладно, я запою басом из грудной клетки.

И он запел так мощно, что с соседнего склепа слетела ржавая табличка «Осторожно, злая собака». Таня подхватила вторым голосом. Скелеты пытались подпевать беззвучно, просто открывая и закрывая челюсти в такт музыке. Получалось жутковато и очень смешно.

В этот момент мимо пролетала летучая мышь-почтальон. Она зависла в воздухе и покачала головой:

— Опять эти двуреченские гуляют... Никакого уважения к вечному покою. И главное, соседи жалуются: от их пения у мертвецов просыпается аппетит раньше времени!

Таня посмотрела на Костю, Костя посмотрел на Таню (насколько это возможно без глаз), а потом они посмотрели на своих поющих друзей.

— А знаете что? — сказала Таня. — Пойдёмте-ка отсюда в «Гробинушку». Там хоть микрофон есть и публика понимающая. А то здесь эхо такое — соседи из склепа напротив уже в полицию загробного мира жалуются за нарушение тишины после полуночи.

И вся компания, бренча костями и фальшивя на всю округу, двинулась к выходу с кладбища, оставляя за собой лишь следы на песке и разбитые надежды местных привидений выпастись перед рассветом.

Дискотека на плотине: Таня, Костян и «Ретро FM»

В Двуречках есть одно место, куда даже полиция боится заезжать после заката. Это не заброшенный завод и не логово оборотней. Это старый мост через реку Вонючку. Там, где бетонные плиты поросли мхом, а вода пахнет так, будто в ней утонул склад просроченных консервов.

Именно сюда Таня, вампир с отличным вкусом в одежде и плохим зрением (линзы она носить стеснялась), притащила свою колонку. Рядом, поскрипывая суставами, топтался Костян. Нежить Костян был скелетом старой закалки. Он не любил эти новомодные «тик-токи» и считал, что лучшая музыка — это та, под которую можно стучать голенью по трубе.

— Ну что, Костя, — Таня поправила декольте, из которого торчали ключицы. — Ставить «Ласковый май»? Или сразу перейдём к «Руки Вверх!»? У меня от Сергея Жукова всегда клыки сводит.

— Ставь «Ретро FM», — проскрипел Костян, пытаясь почесать лопатку, но промахнулся и чуть не вывернул плечевой сустав. — Только громче. Я плохо слышу левым ухом. Его ещё в прошлом веке ворона унесла на гнездо.

Таня нажала кнопку. Из динамика полились звуки синтезатора восьмидесятых. Скелеты, которые вылезли из кустов (а они там всегда вылезают, если включить музыку громче 60 децибел), начали подтягиваться к танцполу.

— О, а вот и Петруха! — обрадовался Костян, глядя на приближающийся скелет в тельняшке. — Петруха, ты чего такой пыльный? Опять в мавзолее ночевал?

— Да я там с крысами в шахматы играл, — пожаловался Петруха, отряхивая с черепа паутину. — Проиграл ферзя. Теперь хожу только пешками от скуки.

Танцпол на берегу реки — это вам не паркет в клубе. Это скользкий бетон и торчащая арматура. Таня сделала первый шаг и тут же поскользнулась на мокром мху.

— Ой! — пискнула она, но Костян среагировал молниеносно. Он подхватил её под локоть (точнее, за то место, где локоть должен быть).

— Держись, подруга! — проскрипел он. — У нас тут не балльные танцы. У нас тут «Рок-н-ролл мёртв», но мы ещё нет!

Скелеты выстроились в шеренгу. Таня включила режим «Басс Бустед». Низкие частоты заставили воду в реке пойти мелкой рябью, а рыбу — всплыть кверху брюхом от культурного шока.

— И раз! И два! — командовал Костян, размахивая берцовой костью как дирижёрской палочкой.

Скелеты начали танцевать брейк-данс. Ну, как танцевать... Петруха попытался сделать «гелик», но у него просто отвалилась нижняя челюсть и укатилась под мост.

— Моя челюсть! — запаниковал он.

— Не ссы! — крикнул другой скелет в очках (без стёкол). — Я её сейчас ногой подопну обратно!

Он с размаху ударил по челюсти. Она взлетела в воздух, сделала мертвую петлю и с хрустом встала на место Петрухи. Правда, немного криво.

— Спасибо! — проскрипел Петруха. — Теперь я похож на Джокера из комиксов!

Таня тем временем вошла в раж. Она кружилась так быстро, что её плащ развевался как крылья летучей мыши. Внезапно из колонки заиграла песня «Яблоки на снегу».

— Стоп! Стоп! Выключай! — заорал Костян так громко, что у него выпал зуб мудрости. — Я эту песню терпеть не могу! У меня от неё депрессия начинается и желание закопаться обратно!

Таня быстро переключила трек на что-то более жизнеутверждающее.

— А теперь белый танец! — объявила она.

Костян галантно поклонился, при этом у него громко щёлкнуло в позвоночнике.

— Прошу вас, сударыня.

Они закружились в медленном танце над самой водой. Таня положила голову ему на ключицу (было немного колко, но романтично).

— Костя... А ты меня любишь? — прошептала она.

Костян задумался. Это был сложный экзистенциальный вопрос для того, у кого нет сердца.

— Ну... Ты мне нравишься больше, чем чеснок и осиновый кол вместе взятые, — честно ответил он. — А это уже что-то значит в нашем мертвецком мире.

В этот момент со стороны кладбища послышался недовольный вой.

— Опять эти двуреченские! Никакого покоя! — выл сторож-упырь Петрович, накрываясь одеялом с головой. — Завтра же напишу жалобу в администрацию Преисподней! Они мне весь график сна сбили! И вообще, у меня завтра приём граждан по записи!

Но музыка заглушала его стенания. Скелеты уже забыли про танцы и пытались устроить армрестлинг прямо на краю моста. Победитель получал право первым съесть комара, который случайно залетел на огонек.

— Классно посидели! — прощался Петруха, волоча за собой отвалившуюся руку. — В следующий раз зовите диджея Вия, он обещал принести пластинки!

Таня выключила колонку. На берегу остались только они с Костяном и тишина, нарушаемая лишь плеском воды и хрустом суставов уходящих друзей.

— Пойдём провожу тебя до склепа? — предложил Костян.

Таня улыбнулась, обнажая клыки:

— Пойдём. Только давай через парк? Там лавочки есть... посидим... помолчим о вечном...

И две тени растворились в предрассветном тумане Двуречек, оставив после себя лишь пустую бутылку из-под «Кровавой Мэри» и одинокий череп Петрухи, который он забыл на танцполе.

Сельская милонга, или Как Костян с нежитью рассвет встречали

В клубе сегодня было не протолкнуться. В смысле, не от людей, а от отсутствия воздуха и присутствия специфического запаха. Таня, вампир из Двуречек, поправляла на себе платье из паутины. Платье было модным, но слегка покусывало за лодыжки — моль в этом году в гардеробной расплодилось знатная, с клыками.

— Костя, ну ты где? — прошипела она в темноту, поправляя клыки, которые от волнения начали шататься. — У нас через пять минут «Дискотека 80-х, 90-х и Эпохи Позднего Мезозоя» заканчивается! Милонга на носу!

Из подсобки, гремя костями и роняя челюсть, вывалился Костян. Костян был нежить, но в душе — романтик. Он носил шарф из старой занавески и считал себя эстетом. В руках он держал баян, который нашел в болоте. Инструмент был расстроен до такой степени, что даже комары вокруг него летали зигзагами.

— Я готов, Танюх! — прогудел он, пытаясь приладить челюсть на место с помощью изо-ленты. — Только баян не строит. Он строит только козни.

На импровизированном танцполе уже топтались Старые Мертвецы. Это была та самая категория нежити, которая умерла так давно, что уже и не помнила, от чего именно. Они были медлительны, но упорны. Их фирменный стиль танца назывался «Танго с падением». Суть заключалась в том, чтобы красиво упасть на партнёра.

Зазвучала музыка. Это была не просто мелодия танго. Это был саундтрек к концу света, сыгранный на расстроенном баяне и расстроенных нервах.

Костян обнял Таню за талию (точнее, за то место, где у неё когда-то была талия до того, как она стала вампиром). Таня положила руку ему на плечо (на то место, где у него когда-то было плечо до того, как оно рассыпалось).

— Раз-два-три... — прошептал Костян.

— ...и мы рассыплемся! — закончила Таня.

Они сделали шаг. Вернее, попытались. Нога Тани отвалилась по колено и укатилась под стол к диджею-скелету. Костян галантно поднял её и приладил обратно ржавым шуруповёртом.

— Прошу прощения. Нервное.

Старые Мертвецы тем временем демонстрировали высший пилотаж. Один из кавалеров так страстно прижал свою даму к себе, что у той отвалился череп. Дама не растерялась: взяла череп под мышку и продолжила танцевать с ещё большим надрывом.

Милонга была в самом разгаре. В воздухе пахло пылью, тленом и валерьянкой (которую Костян тайком хлебал для храбрости). Это было самое страстное танго в истории Двуречек.

Но тут случилось страшное.

Внезапно входная дверь клуба распахнулась от порыва ветра. В проёме показался край неба. Он был не черным. Он был розовым.

— Утро! — взвизгнула Таня так пронзительно, что у ближайшего зомби треснул позвоночник.

Нежить замерла в самых нелепых позах.

— Бежим! — скомандовал Костян, роняя баян прямо на ногу Тане (та даже не поморщилась).

Началась паника. Это было похоже на «Титаник», только наоборот: все бежали не к шлюпкам, а от солнечного света. Старые Мертвецы забыли про грацию и ломанулись к выходу толпой. Таня схватила свою отвалившуюся ногу и помчалась к выходу на одной конечности быстрее олимпийского чемпиона.

Через минуту клуб опустел. На полу остались лежать лишь пара фаланг пальцев да баян Костяна.

С первыми лучами солнца вся компания уже была на кладбище.

— Ну что... — тяжело дыша (насколько это возможно без легких), сказал Костян. Он прислонился к покосившемуся кресту и пытался найти свою челюсть в траве. — Было весело.

— Ага... — кивнула Таня, прилаживая ногу обратно уже более основательно. — Но в следующий раз надо бронировать зал без окон.

Старые Мертвецы молча улеглись в свои уютные склепы.

— А всё-таки... — мечтательно протянул кто-то из-под земли голосом с сильным эхом, — милонга удалась...

И только рассветное солнце равнодушно освещало табличку на воротах: «Кладбище села Двуречки. Тихий час: круглосуточно».

Как отец Никодим с нежитью боролся

В селе Двуречки, что стоит на слиянии двух рек и одного оврага, назрел серьёзный идеологический конфликт. Местная нежить окончательно обнаглела. Если раньше скелеты и вурдалаки вели себя прилично — тихо лежали в могилах, изредка пугая грибников скрипом суставов, то с недавних пор они ударились в разврат и веселье.

Первыми забили тревогу бабки у магазина «Хозтовары и Надежда».

— Это что ж такое творится, Петровна? — возмущалась Клавдия Семёновна, поправляя платок и косясь на витрину с водкой. — Я вчера за рассадой в теплицу пошла, а там Костян, упырь наш, с Танькой-вампишкой танго крутят! Прямо на грядках с укропом! У меня от их па-де-де все огурцы в обморок попадали.

— А в клубе что ли? — подхватила Петровна, доставая кошелек. — Там же теперь проходу нет! Вчера старые мертвецы милонгу устроили. Я хотела на «Давай поженимся» посмотреть, а там вместо Гузеевой скелет с баяном. И пахнет от них... не по-божески. Пылью и тленом. У меня от этого запаха давление подскочило и кот сбежал.

Слухи дошли до отца Никодима. Отец Никодим был попом, но с широкой, как Волга, душой. Он верил в Бога, но ещё больше верил в то, что после шести вечера вера должна подкрепляться чем-нибудь сорокаградусным для лучшего усвоения благодати. В миру его звали просто «батюшка», а за глаза — «забуддыга», но беззлобно.

Выслушав делегацию из трёх бабок, отец Никодим тяжело вздохнул. Он как раз собирался обедать. На столе стыла яичница из десяти яиц с салом и стояла недопитая кружка кваса.

— Вот ведь незадача, — протянул он, почесывая пузо под рясой. — А я-то думал, они смиренные. Лежат себе.

— Лежали! — хором подтвердили бабки. — А теперь пляшут! И главное, без музыки. Костян на баяне играть не умеет, он только пугает. А они всё равно дрыгаются. Это ж какой пример молодёжи?

Отец Никодим нахмурился. Вопрос был серьёзный. Если нежить не остановить, скоро и живые начнут так же — без музыки и смысла.

— Ладно, — махнул он рукой. — Идите по домам. Я сейчас облачение надену и пойду порядок наводить.

Батюшка надел рясу поверх майки-алкоголички, взял кадило (внутри которого по случаю субботы уже тлел уголёк), полил его самогоном для дезинфекции и запаха, и вышел на крыльцо.

Солнце клонилось к закату. Из-за кладбищенской ограды доносились подозрительные звуки: глухой стук костей о кости и какое-то заунывное мычание.

— Эге-гей! Нежить! — крикнул отец Никодим басом. — А ну прекратить шабаш!

Из-за покосившегося креста высунулась голова Тани-вампишки. Глаза её горели красным.

— Батюшка? А мы тут... это... физкультурой занимаемся. Для здоровья полезно. Суставы разминаем.

— Я вам сейчас так размну! — Никодим грозно потряс кадилом. Из него вырвался столб синего пламени и едкий запах спирта. — Вы что ж творите, окаянные? Вы зачем живых людей пугаете? У Петровны кот пропал!

Из-за спины Тани вышел Костян. Он пытался выглядеть солидно, но челюсть у него предательски отвисала на резинке.

— Так мы ж тихо! Мы ж культурно! Мы ж только танго... И то один раз упали.

— Вы мне тут не юлите! — батюшка сделал шаг вперёд. Самогон в кадиле закончился, и он решил перейти к тяжелой артиллерии. Он достал из кармана рясы бутерброд с колбасой (захватил на случай долгого спора) и показал его Костяну.

Костян сглотнул несуществующую слюну.

— Батюшка... это же... колбаса «Докторская»...

— Именно! — Никодим надкусил бутерброд с демонстративным хрустом. — Вкусная, свежая. С чесночком. Знаете ли вы, дети мои костлявые, что происходит с нежитью от запаха чеснока и вида хорошей колбасы? У вас же метаболизм нулевой! Вам же это всё... до фени!

Нежить приуныла. Таня понуро опустила плечи (одно из которых тут же попыталось отвалиться).

— Прости нас, отец Никодим. Бес попутал. Мы думали, если мы мертвые, то нам всё можно.

Батюшка дожеввал бутерброд, вытер руки о рясу и смягчился:

— Ладно уж. Но чтоб больше никаких милонг у клуба! Танцуйте дома. В своих склепах. И чтоб Петровне кота вернули! Он у меня в алтаре прячется, орёт как резанный.

Нежить поклялась страшной клятвой (Костян даже перекрестился левой рукой), что больше не будет.

Отец Никодим вернулся домой довольный. Он закрыл дверь на засов, налил себе стопочку за успешную спецоперацию и включил телевизор.

На экране Гузеева как раз говорила: «А я считаю, что любовь зла...».

Батюшка улыбнулся. В Двуречках снова воцарился покой.

Прощальный бал, или Как Таня нежить в свет выводила

В селе Двуречки сегодня было не по-деревенски шумно. В клубе, где обычно пахло пылью, мышами и несбывшимися надеждами на дискотеку, сегодня пахло тленом, нафталином и валерьянкой. И немножко — перегаром. Это Костян, нежить и душа компании, пытался залить грусть расставания.

Таня-вампир стояла перед зеркалом в гримерке. Зеркало было старинным, в тяжелой раме, и Таня в нем не отражалась. Это её ничуть не смущало — она и так знала, что выглядит сногшибательно. На ней было платье из паутины, которое слегка покусывало лодыжки, и туфли на шпильке, сделанные из костей неизвестного грызуна. Шпильки предательски шатались.

— Ну что, Костян, — вздохнула Таня, поправляя клыки, которые от волнения начали шататься синхронно со шпильками. — Вот и всё. Расстаемся мы. А то местный поп устроит нам все большой пипец.

Костян, сидевший в углу на ящике из-под яблок (он всегда там сидел, потому что стоять ему было лень — гравитация), уронил челюсть. В прямом смысле. Она со стуком упала на пол.

— Как? — прогудел он из-под капюшона.

— Так, Костя. Я выхожу замуж, — торжественно объявила Таня. — За человека.

В гримерке повисла такая тишина, что было слышно, как за стенкой Старые Мертвецы пытаются настроить баян. Получалось что-то среднее между гимном СССР и предсмертным хрипом ежика.

— За... кого? — прохрипел Костян, наконец-то нашарив свою челюсть и прилаживая её на место с помощью скотча.

— За агронома, — мечтательно протянула Таня. — Он такой... румяный. И пахнет чесноком так, что у меня просто крышу сносит! В хорошем смысле. Он говорит, что моя бледность — это аристократизм. А то, что я не отражаюсь в зеркале — это просто особенности освещения в его «Ниве».

Костян издал звук, похожий на скрип несмазанной телеги.

— Танюх... А как же мы? А как же наши милонги? Ты же помнишь, как мы в прошлом месяце танго танцевали? Ты тогда ногу потеряла, а я её тебе шуруповертом прикрутил... Романтика же!

Таня всхлипнула. От её всхлипа в углу отвалился кусок штукатурки.

— Помню, Костя. Всё помню. Поэтому я и решила устроить прощальную вечеринку. Чтобы ты не думал, что я тебя бросаю как есть.

В этот момент дверь распахнулась, и в гримерку ввалилась делегация Старых Мертвецов. Они были одеты в свои лучшие саваны, которые давно уже превратились в ветошь.

— Мы готовы! — проскрипел самый старый из них, у которого отваливалась борода вместе с челюстью. — Где баян?

Вечеринка началась с фуршета. Стол ломился от угощений: маринованные опята (сами выросли), соленые огурцы (с чужих огородов) и компот из сухофруктов (просто вода из лужи). Таня лично разливала гостям «Кровавую Мэри», но без Мэри и без крови — просто томатный сок из магазина.

Костян вышел в центр зала.

— Дорогие друзья! Нежить! — начал он свою прощальную речь. Голос его дрожал, а капюшон сполз на нос. — Сегодня мы провожаем нашу Танюху в новую жизнь. В жизнь... с гемоглобином по расписанию и свеклой по выходным! Мы желаем ей... эм... чтобы её агроном никогда не узнал правды! По крайней мере, до третьего свидания!

Старые Мертвецы одобрительно загудели. Один из них так расчувствовался, что у него отвалился нос.

Потом начались танцы. Это было душераздирающее зрелище. Костян пытался изобразить вальс-бостон, но запутался в собственных ногах (одна была короче другой) и рухнул на колонку. Колонка заискрила и заиграла «Ламбаду». Старые Мертвецы восприняли это как руководство к действию и устроили групповое падение в стиле «брейк-данс для скелетов».

Таня смотрела на это безобразие и вытирала несуществующие слезы кружевным платочком.

— Костя... Я хочу сделать тебе подарок на прощание.

Она подошла к нему вплотную.

— Я записала тебя на курсы пикапа. И купила тебе абонемент в солярий. Там есть скидка для бледных.

Костян замер. Его глаза-огоньки расширились до размера пятирублевой монеты.

— В солярий? Но ведь я же... рассыплюсь!

— Не рассыплешься, — уверенно сказала Таня. — Я договорилась с мастером. Он будет греть тебя по пять минут через полотенце. Ты выйдешь оттуда не просто нежитью, а... шоколадной нежитью! Девчонки из Фашевки упадут!

Это был удар ниже пояса. Или выше грудной клетки, учитывая анатомию Костяна.

Когда первые лучи рассвета коснулись крыши клуба, вечеринка закончилась. Нежить стройными рядами брела к кладбищу, поддерживая друг друга.

Костян шел последним. Он обернулся к Тане:

— Ты это... возвращайся хоть иногда. Посмотреть, как я загораю.

— Вернусь, Костя. Обещаю.

Таня смотрела вслед уходящей колонне мертвецов. На душе было светло и пусто, как в склепе после генеральной уборки. Она поправила кlyки и улыбнулась своему отражению в луже у крыльца (отражалась только лужа).

Впереди была новая жизнь. Жизнь без милонг, без баяна и с постоянным риском солнечного ожога для любимого агронома.

«Ну и ладно», — подумала Таня и пошла собирать чемоданы из летучих мышей.

Как Таня агронома на чеснок поймала

В селе Двуречки весна пахла не сиренью и надеждами, а свежим навозом. Это местный агроном Семён вышел в поля сеять разумное, доброе, вечное. Ну, или хотя бы картошку.

Семён был мужчиной видным: плечи как у шкафа из «Икеи», румянец такой, что можно ночью без фонаря ходить, и борода лопатой — для солидности. В кармане его телогрейки всегда лежал бутерброд с салом и головка чеснока размером с кулак младенца-великана. Чеснок он ел вместо жвачки, чтобы микробы боялись, а жена уважала.

Таня-вампир за ним следила уже неделю.

Слежка давалась тяжело. Во-первых, от Семёна так разлило чесноком, что летучие мыши над полем падали замертво прямо на лету. Во-вторых, сама Таня была девушкой бледной, тонкой душевной организации и питалась исключительно гемоглобином первой группы отрицательного резуса. Запах чеснока действовал на неё странным образом: хотелось то ли чихнуть кlyками, то ли замуж.

— Какой мужчина... — шептала она, прячась за стогом прошлогоднего сена. Сено было пыльным, старым и напоминало ей бывших ухажёров. — Идёт себе, сапоги резиновые блестят, душа поёт про целину. А челюсть-то какая! Хотя анатомию по нему изучай.

План знакомства созрел внезапно, когда Семён присел отдохнуть под старой берёзой и достал термос.

«Сейчас или никогда», — подумала Таня, поправляя декольте (оно у неё было костяным, но очень эффектным).

Она вышла из-за дерева, покачивая бёдрами. Бедро левое немного поскрипывало — последствия вчерашней милонги со Старыми Мертвецами, но Семён этого слышать не мог, он был живым.

— Ой, — сказала Таня писклявым голосом, делая вид, что испугалась собственной тени. — Здравствуйте. Я тут гуляю... Дышу воздухом. Он у вас какой-то... специфический.

Семён поднял глаза. Увидел девушку неземной красоты, прозрачную местами и одетую во что-то вроде паутины.

— Ты местная? — спросил он, автоматически подвигаясь ближе. Мужская природа брала своё даже сквозь облако чесночного перегара.

— Я... я дачница, — соврала Таня. — Из города. У меня там ипотека и кот. Кот сбежал, кстати. Не видели?

— Тут котов много, — хмыкнул Семён. — Особенно тех, которые светятся зелёным в темноте. Ты это... Замёрзла вся. Белая как сметана. Пойдём ко мне в сторожку, чайку попьём. У меня самогон знатный, на мухоморах настоящий. От него любой вампир... тьфу ты, любой человек сразу согревается!

Сердце Тани пропустило такт. Она забыла, как работают её собственные клапаны.

— На мухоморах? — переспросила она севшим голосом.

— Ага. Дед рецепт оставил. Говорил, после него бабка моя три дня молчала — лепота!

Они пошли к вагончику агронома. Внутри пахло соляжкой, прелыми валенками и тем самым убийственным чесноком. На столе стояла банка огурцов, чёрный хлеб и гранёный стакан.

— Садись, красавица, — засуетился Семён. — Сейчас мы тебя откормим. А то худющая. Тебе мужика хорошего надо, чтоб кровь играла!

При слове «кровь» Таня вздрогнула и чуть не спалилась окончательно.

— Мне нельзя алкоголь, — пролепетала она. — У меня... печень слабая.

— Да где ж у тебя печень, милая? — заржал Семён, хлопая себя по коленям. — Ты ж почти привидение! Ладно, тогда компоту дам. Компот тоже градус имеет, если долго стоять будет.

Таня села на краешек табуретки. Табуретка жалобно хрустнула.

— Знаешь, Сеня, — начала она издали, накручивая локон на палец (палец остался торчать). — Я девушка одинокая. Романтическая. Люблю классику. Вальсы там, танго...

— О! — оживился Семён. — Я тоже плясать люблю! Как приму на грудь, так хоть лезгинку! Только вот беда — партнёрши обычно после третьего танца кончаются. Устают.

— Я выносливая, — хищно улыбнулась Таня, обнажая клыки.

Семён прищурился:

— Зубы болят? У меня дедова настойка есть, на спирту и крапиве. Полоскай — всё как рукой снимет. Хотя нет, рукой лучше не трогать, ожог будет.

Вечер шёл своим чередом. За окном выл ветер (это Костян бродил вокруг забора, ревнуня), сверчки играли джаз, а Таня поняла страшную вещь. Ей было хорошо. Так хорошо, как не было последние двести лет.

От Семёна пахло землёй, потом и этим ужасным чесноком, но именно этот запах почему-то казался ей запахом дома.

— Пойду я, — вздохнула она, вставая. Ноги слегка подгибались (сказывалось долгое отсутствие пульса). — Спасибо за гостеприимство.

Семён тоже встал. Ростом он оказался выше дверного проёма, поэтому пригнулся, создав архитектурный шедевр «Агроном в поклоне».

— Приходи завтра, — сказал он серьёзно. — Я тебе грабли дам. Поможешь грядки рыхлить. Романтика!

Таня вышла в ночь. Луна светила ярко, освещая её фигуру. Фигура шла вперевалку, потому что от счастья у неё ослабли коленные чашечки.

«Замуж, — думала она, перепрыгивая через лужу. — Определённо замуж. Надо только научить его бриться почаще, а то щетина на нежить плохо действует, вызывает аллергию. И попросить поменьше есть чеснок перед свиданием. Или купить „Рондо“...»

Где-то вдалеке, на кладбище, уныло и фальшиво запел баян. Но Тане впервые в жизни было плевать на музыку живых мертвецов. Её ждал живой мужчина. И лопата.

Египетская сила, или Как Таня картошку украшала

В селе Двуречки агроном Семён решил совершить трудовой подвиг. Не то чтобы он любил работать в выходные, просто жена уехала к тётке, а пустая изба без дела — это моветон и путь к алкоголизму. Нужно было занять руки чем-то общественно полезным.

— Сегодня мы будем полоть, — торжественно объявил Семёныч своей новой подруге Тане, вручая ей тяпку.

Таня-вампир стояла посреди огорода как топ-модель на съёмках апокалипсиса. На ней были резиновые сапоги Семёна (сорок пятого размера), его же старая фуфайка с надписью «Рабы не мы» и соломенная шляпка, которую она нашла на пугале. Пугало после этого пришлось уволить за несоответствие дресс-коду.

— Полоть? — переспросила Таня, брезгливо глядя на сорняки. Сорняки пахли хлорофиллом и свободой. — Это когда ты рвёшь чужое, чтобы росло своё? Очень экзистенциально. Я согласна.

Семён показал мастер-класс. Он взял тяпку, размахнулся так, что чуть не снёс себе ухо, и одним ударом уничтожил лебеду вместе с половиной куста картошки.

— Вот! Главное — корень!

— Корень — это основа мироздания, — кивнула Таня. Она решила действовать тоньше. Вампириша присела на корточки возле первого кустика. Движения её были плавными, как у кобры перед броском.

Земля была тёплой, влажной и полной жизни. Для существа, которое питается кровью, сидеть по пояс в чернозёме — удовольствие странное, но рядом был Сеня, от которого пахло чесноком и тестостероном, поэтому процесс шёл бодро.

Таня аккуратно выдернула травинку. Потом вторую. Земля вокруг лунки стала чистой и красивой. Но чего-то не хватало. Визуального центра композиции.

«Я же эстет», — подумала вампириша, вспоминая свои милонги со Старыми Мертвецами. Там всегда был Костян с баяном, который задавал настроение. Здесь баяна не было, зато был песок, привезённый вчера для стройки курятника.

Она зачерпнула горсть песка. Песок струился сквозь пальцы, напоминая о вечности. И тут в голове Тани щёлкнул какой-то древний механизм. Голоса предков зашептали: «Пирамида... Вечность... Фараоны...».

— Так-так-так, — пробормотала Таня.

Около каждого куста картошки она начала возводить архитектурный ансамбль. Сначала маленькая песчаная пирамидка. Аккуратная, геометрически выверенная. Затем, следуя чувству прекрасного, вампириша осмотрелась в поисках сакральных символов.

По двору бродили куры. Куры в Двуречках были наглые, жирные и глупые. Одна из них как раз линяла, оставляя за собой перья, похожие на страусиные, только пыльнее.

— О! — воскликнула Таня. — Перо Маат! Символ истины и порядка!

Она подбежала к курам, те с возмущенным кудахтаньем разбежались. Таня схватила самое большое белое перо и воткнула его в вершину первой песчаной пирамиды. Вышло монументально.

Через час огород выглядел как филиал Гизы. Ровные ряды зелёной ботвы, а между ними — песчаные холмики с белыми перьями. Таня отошла полюбоваться результатом. Солнце садилось, освещая инсталляцию золотым светом. Это было прекрасно. Это было глубоко. Это тянуло на премию современного искусства где-нибудь в подвалах Амстердама.

Семён вышел из-за угла сарая, держа в руках бутылку с квасом. Увидев свой огород, он подавился.

— Эт-та шо? — прохрипел он, выпучив глаза.

— Ландшафтный дизайн, — скромно потупилась Таня. — Называется «Мечта Тутанхамона». Картошка теперь под защитой богов. И ещё я прочитала над каждой мумией заклинание плодородия. Ну, как прочитала... прорычала. От души.

Семён подошёл к ближайшей грядке. Около шикарного куста сорта «Синеглазка» возвышалась пирамида высотой сантиметров двадцать. Из неё торчало перо размером с опухоль.

— Таня... — голос агронома дрогнул. — Ты зачем мою картошку мумифицировала?

— Чтобы колорадский жук побоялся лезть в гробницу, — логично ответила вампирша. — Жуки они древние, египетских символов боятся генетически. А перо — это антенна. Если инопланетяне прилетят воровать урожай, перо им сигнализирует: «Не трогать, это святое!»

Семён сел прямо на муравейник. Муравьи такого святотатства не оценили и начали строить свою контрпирамиду на ноге агронома.

— Мать моя женщина... — простонал Семёныч. — Батюшка Никодим меня проклянет. Скажет, сектант. У него приход бедный, ему такие декорации даже не снились. Где я тебе столько перьев возьму? У меня курей всего пять штук, а соток десять!

— Не волнуйся, — Таня нежно погладила его по плечу, отчего Семён икнул. — Я договорюсь с вороньём. Они мне будут поставлять реквизит за обеды. Мы сделаем здесь целый некрополь! Представляешь заголовки газет: «В Двуречках нашли восьмое чудо света. Агроном-археолог Сёма и его верная помощница Нефертити-Вампир».

Семён посмотрел на закат, потом на бутылку с квасом, потом на Таню. Квас показался ему самым разумным существом в этой компании.

— Наливай, — вздохнул он. — Будем охранять наследие. Только перья завтра пойдём красить в золотой. Чтоб богато смотрелось.

Перья для вампира, или Огород Семена в Двуречках

В деревне Двуречки туман стелился так густо, что местные коты путали его со сметаной. На покосившемся заборе сидела ворона Матильда и делала вид, что она памятник самой себе.

— Мотя, — раздалось снизу хриплым контральто. — У тебя перхоть есть?

Матильда вздрогнула. Памятники не должны вздрагивать, но когда с тобой разговаривает вампир Таня, инстинкты берут своё.

— Это грация пыли, Татьяна Михайловна, — каркнула ворона, пытаясь сохранить достоинство. — А вы опять ночью чеснок сажали? Запах теперь до самого сельсовета.

— Не твоего вороньего ума дело, где я витамины беру, — огрызнулась Таня, поправляя кружевную манжету. — Мне нужно эстетики. Семен совсем обнаглел. Выстроил теплицу из поликарбоната! Я два века пугала людей бледностью, а этот агроном светится ярче моей люстры чешского хрусталя. Хочу украсить огородик. Чтобы было готично. Нужно перо. Много пера. Черного. Страшного.

Таня была вампиром старой закалки. Кровь по скидкам не брала, крестов боялась только если они плохо закреплены над дверью (вдруг упадет на голову), а вместо гроба спала в старом холодильнике «Зил», потому что там темно и прохладно.

— Так бы сразу и сказала, кровопийца ты наша бюджетная, — вздохнула Матильда. — Только мои девки просто так махать крыльями не будут. У нас профсоюз. Нам взносы нужны.

— Чем платить? — подозрительно прищурилась Таня. — Гематогеном? Или у меня где-то завалился сушеный Иван-чай...

— Сдурела? — Матильда чуть не свалилась с забора. — Ты мне прошлый раз чая насыпала, так старая Клюквина две недели стихи Ахматовой читала задом наперед. Нет, мать. Платить будем борщом.

— Борщом?! — возмутилась Таня. — Да мой борщ это произведение искусства! Там баланс кислого и сладкого как в симфонии Чайковского!

— Вот именно, — кивнула ворона. — После твоего борща наши мужики становятся слишком задумчивыми. Сидят на берегах, смотрят вдаль, философствуют о бренности бытия. Ворону это бесит. Нам нужен нормальный столовский борщ. Из кафешки «У Петровны». Она туда тушенку кидает от души. Белок, все дела.

Сделка состоялась.

На следующее утро небо над Двуречками почернело. Но это был не дождь. Это была армада местных ворон. Они шли волнами, заходили на цель аккуратными звеньями, словно штурмовики Ил-2.

Семен как раз вышел поливать огурцы. Он поднял лейку, прищурился на солнце и замер. С неба падало черное конфетти.

— Апокалипсис, — прошептал Семен, роняя лейку. — Началось. Где тут в Библии про птиц говорилось?

Это были не просто перья. Это был арт-хаус. Вороны работали ювелирно: сбрасывали исключительно крупные, глянцевые маховые перья. Одно воткнулось прямо в помидор «Бычье сердце». Другое повисло на ухвате для печи. Третье элегантно спланировало в бочку с дождевой водой.

Таня стояла за резным штaketником, кутаясь в шаль. Лицо её выражало высшую степень удовлетворения хищника, поймавшего лань.

— Лепота, — выдохнула она. — Теперь хоть глаз радует. Семен, поди сюда, оцени инсталляцию!

Семен, белый как простыня после смены белья, подошел на ватных ногах. В волосах у него застряло перо. Он выглядел как индеец, который проиграл битву ещё до её начала.

— Тань... — голос его дрожал. — Ты чего натворила? Ко мне сейчас комиссия из района едет, субсидию на капельный полив выбивать. Они ж решат, что у меня птичий грипп случился, всё пожгут вместе с сортиром!

— Успокойся, Сеня, — ласково пропела вампирша, доставая из кармана фартука куриное яйцо. — Скажешь, что это новый тренд. Эко-стиль. Органическое земледелие. Оперение растений для лучшей аэрации почвы. Умные слова знаешь небось.

— Какие умные слова, у меня восемь классов образования! — взвыл Семен. — Меня жена из дома выгонит! Она этих птиц боится с тех пор, как ей цыганка нагадала, что помрет она от удара клювом в темечко!

Тем временем Матильда приземлилась на конек крыши вампирского склепа. Бойцы возвращались с задания. Растрепанные, довольные, пахнущие укропом и победой.

— Ну как? — спросила предводительница, чистя клюв о шифер.

— Барражировали плотным строем, — доложила молодая ворона Даша. — Семен исполнил пантомиму «Умиравший лебедь». Еле ноги унесли, он веником махал, кричал что-то про прокуратуру.

— Деньги принесла? — деловито поинтересовалась Матильда.

Таня вынесла кастрюлю. От неё шёл пар такой плотности, что рядом можно было сушить белье. Внутри, в гуще свекольного великолепия, жиринки складывались в смайлик.

Матильда заглянула внутрь, уважительно кашлянула и протянула крыло:

— По-братски, Тань, половник оставь. И лаврушку мы тоже конфискуем, нам для гнезд надо, ароматерапия.

Вампирша лишь рукой махнула.

— Забирайте. Лишь бы огород Семена соответствовал моим высоким стандартам меланхолии.

Вечером Таня сидела в кресле-качалке посреди своего жутковато-прекрасного сада. Перья колыхались на ветру, создавая зловещую музыку. Жизнь налаживалась. Если не считать того, что местная детвора перестала лазить за яблоками через её забор, а стала приносить их добровольно, оставляя на крыльце вместе с записками: «Только не насылайте птиц, мы больше не будем».

А Семен получил субсидию. Глава администрации оказался большим любителем современного искусства и долго жал ему руку, говоря: «Свежо, смело. Этот ваш „Перо-дром“ очень концептуален. Мы вас на областную выставку выдвинем».

Так благодаря вампиру Тане деревня Двуречки чуть не стала культурной столицей региона. Хорошо, что вовремя одумались.

Кровь, пот и телевизор в Двуречках

В деревне Двуречки июль всегда пахнет пылью, свежескошенным пыреем и безнадёгой. Но этим летом всё было иначе. Этим летом над деревней стоял густой чесночный дух пополам с валерьянкой.

У вампира Тани на подоконнике расцвела герань — примета к нервному срыву. Чемпионат мира по футболу шёл уже третью неделю, и Таня чувствовала себя так, словно её пропустили через мясорубку «made in Belarus».

— Сеня, я больше не могу, — простонала она, поправляя кружевную салфетку на телевизоре «Горизонт». Экран рябил так, будто внутри жила семья привидений-радиостов. — Если этот аргентинец ещё раз упадёт и схватится за коленку, я выпью его вместе с бутсами! Где справедливость? Я два века жду суженого, а он там изображает инфаркт из-за скользкого газона!

Агроном Семен сидел рядом на табуретке, обхватив голову руками. На нём не было лица. Лицо осталось где-то под диваном после матча Бразилия — Япония.

— Это тактическая симуляция, Татьяна, — убитым голосом ответил он. — Он ищет пенальти. Душа художника требует одиннадцатиметрового.

— Ему нужен не пенальти, ему нужен экзорцист! — фыркнула Таня. — Сема, передай чипсы. Только осторожно, у меня от твоих движений давление скачет. У меня гемоглобин падает от этого зрелища.

Семен был человеком тонкой душевной организации и обладателем единственной спутниковой тарелки на всю округу. Когда начались матчи, деревня вымерла. Даже свиньи перестали хрюкать, потому что дед Василий поставил динамик в свинарник, чтобы хрюки тоже сопереживали атаке на фланге.

Проблема была в том, что жили они вдвоём: древняя нежить, питающаяся эстетикой и редкими каплями крови (по праздникам), и агроном-самоучка, который разговаривал с помидорами исключительно матом, когда думал, что никто не слышит. А тут футбол. Катарсис длинной в месяц.

— Ты зачем кричишь «Судью на мыло»? — шипела Таня, когда Семен начинал краснеть как свекла. — Какое мыло?! Мыло это натриевая соль жирных кислот, оно скользкое, судья поскользнется и сломает позвоночник! Мы будем виноваты в членовредительстве сотрудников правопорядка! Хочешь, чтобы участковый Петров опять протокол писал? У него почерк корявый, намучаемся потом подписи подделывать.

— Да какой Петров, Таня! — ревел Семен, размахивая кулаком перед экраном. — Офсайд же был! Куда ты пасуешь, дерево осиновое?! У тебя мама есть?! Ей стыдно за тебя!

Таня тяжело вздыхала. От криков Семена у неё начиналась мигрень, а при мигрени вампиры становятся невыносимо вежливыми.

— Семё-ё-ён, — тянула она медовым голосом, от которого обычно молоко сворачивалось в радиусе километра. — Не позорь деревню. Возьми себя в руки. Вспомни про фотосинтез. Представь, что мяч — это колорадский жук. Ты же умеешь их давить методично, без истерик.

К середине чемпионата проблемы стали глобальными.

Во-первых, закончились семечки. Вся деревня щелкала их так громко, что перебивала комментатора. Пришлось вводить нормирование: стакан в руки, беременным и сердечникам — полстакана.

Во-вторых, пропал кот Матроскин. Оказалось, дед Митрич забрал его к себе в баню, потому что «кот орал громче телевизора, мешал смотреть комбинационную игру в центре поля».

В-третьих, у Тани начали расти клыки. Просто так, от стресса. Она смотрела на своё отражение в выключенном экране и видела Дракулу в период менопаузы.

— Всё, — объявила Таня однажды утром. На столе стояла бутылка святой воды (для протирки очков) и банка огурцов. — Финал завтра. Я или сойду с ума, или переквалифицируюсь в болонку. Выбирай, Семен.

Семен посмотрел на неё мутным взглядом человека, который забыл, как зовут жену.

— В финал вышли те, кого мы проклинали весь месяц, — сказал он философски. — Жизнь циклична, как полив огорода. Будем болеть зло, но интеллигентно.

Финал выдался жарким.

Когда назначили дополнительное время, в доме Тани лопнул графин.

Когда били серию пенальти, у Семена пошла носом кровь. Настоящая, красная, густая.

Таня посмотрела на эту кровь, сглотнула слюну и отвернулась. Профессиональная деформация ничто по сравнению с ударом Красавчика.

— Мазила! — выдохнула она, отворачиваясь от экрана. — Семен, дай тряпку, у тебя декольте всё закапало.

— Это нервы, — прохрипел агроном, запрокидывая голову. — За державу обидно. И за Роналдо и Месси обидно. Великие были человеки... то есть футболисты.

Матч закончился далеко за полночь.

Деревня Двуречки легла спать выжатым лимоном.

Таня сидела на крыльце, курила электронную сигарету (пар со вкусом малины успокаивает нервную систему нежители) и смотрела на луну.

Подошел Семен. Сел рядом. Помолчали.

— Знаешь, Тань, — вдруг сказал он тихо. — А ведь наш урожай картошки в этом году рекордный. Потому что я удобрения вносил строго по таймингу матчей. Пока штрафные били — рассыпал селитру. Пока VAR смотрели — окучивал. Идеальная логистика.

Таня покосилась на него. В свете луны лицо агронома казалось одухотворенным.

— Футболист из тебя, Сема, конечно, как из меня балерина Мариинского театра. Но удобритель ты гениальный. Пойдем спать. Завтра огород полоть. И купи наконец антенну получше, смотреть невозможно, глаза вытекают.

Они пошли в дом. В темноте сеней Семен наступил на хвост невидимого кота. Кот взвыл фальцетом.

Где-то вдалеке, на другом конце света, миллионеры снова делили круглый кусок кожи. А в Двуречках жизнь шла своим чередом — странная, смешная и удивительно настоящая.

Капельный полив вечности

В деревне Двуречки агроном Сеня был человеком государственным. В смысле, он так о себе думал. У него имелись резиновые сапоги сорок восьмого размера, кепка с надписью «Росагрохим» и плантация помидоров сорта «Бычье сердце», которые по габаритам напоминали скорее печень нерадивого тракториста.

У вампира Тани было всё: бессмертие, кружевные манжеты, депрессия в легкой форме и хроническая нелюбовь к физическому труду.

Соединить их в одной точке пространства-времени мог только июльский зной и закон подлости.

— Татьяна, — голос Семёна сочился патокой и угрозой. Он стоял на крыльце склепа (Таня называла это «коттеджем в готическом стиле») и смотрел на хозяйку сверху вниз, что удавалось ему редко. — Я отбываю в область. Конференция по повышению урожайности брюквы методом поглаживания. На три дня.

— Наконец-то, — выдохнула Таня, не отрываясь от книги «Сто оттенков бледного». — Хоть посплю в тишине. Не будешь ходить надо мной со своим барометром и ныть, что циклон идет из Саратова.

— Ага, — кивнул Сеня. — Значит, я оставляю хозяйство на вас. Вот ключи от сарая. Там вилы, грабли и... ну, вы знаете. Ваша полочка с пакетиками крови группы Бэ. Только водяному не давайте, а то он прошлый раз мешал её с самогоном деда Митрича, потом два часа плакал в крапиве и читал Есенина жабам.

— Не учи мертвую щуку плавать, — огрызнулась Таня. — Иди уже, спасай свою брюкву. Надеюсь, она подавится тобой на конференции.

Семён ушел, хрустя гравием. Через пять минут в окно постучали.

— Татьяна! — просипел агроном через стекло. — Чуть не забыл! Самое важное!

Таня закатила глаза так сильно, что чуть не увидела собственный затылок.

— Что? Наш огородный Пентагон захватили тля?

— Поливать! — трагическим шепотом произнес Сеня. — Огород! Вечером! Солнце село — включаешь насос «Малыш». Три часа льешь. Потом перерыв. Потом еще час. Это называется «интенсивная гидратация корневой системы». Поняла? Запиши.

— Сема, — медленно сказала Таня, открывая дверь. От неё пахло вековой пылью и легким раздражением. — Я существо ночи. Моя корневая система питается исключительно страданиями девственниц и капустой кольраби. Зачем мне твой насос? У меня есть летучие мыши, они могут...

— Никаких мышей! — отрезал Семен, тыкая пальцем ей в грудь. Палец попал во что-то холодное и неприятно упругое. — Мыши загадят теплицу. Только насос. Шланг синий. Лейка красная. Если помидоры завянут — я вернусь из области раньше срока. А когда я возвращаюсь раньше срока, у нас в Двуречках обычно пропадают кошки и участковый Петров начинает заикаться. Ты этого хочешь?

Таня посмотрела на небо. Солнце висело над лесом раскаленным медным тазом. Вампирское чутье подсказывало: если выйти сейчас, кожа пойдет пузырями быстрее, чем суп в микроволновке.

— Ты уходишь или нет? — спросила она. — У меня там пауэр-аэробика теней начинается по телевизору.

Семен уехал.

Ночь упала на Двуречки внезапно, как кирпич на голову.

Таня вышла на крыльцо. Воздух пах мокрой землей и грядущим ревматизмом.

Насос «Малыш» выглядел как орудие пыток инквизиции. Инструкция к нему была написана языком, понятным только инженерам завода «Красный Факел» и сумасшедшим.

— Так, — бормотала Таня, натягивая Семеновские резиновые сапоги прямо поверх похоронных туфель. — Включаем в розетку... Ой.

Розетка находилась снаружи. Дождь, прошедший утром, сделал её похожей на аквариум. Таня осторожно сунула туда вилку. Раздалось громкое «БЗДЫНЬ!», запахло озоном и жареным мясом.

Таню тряхнуло. Её прическа «Ранний Ренессанс» превратилась в «Побег из Электрошока».

— Ладно, — пробормотала она, ощупывая дымящиеся кудри. — Магия земли сработала. Земля теперь знает, что я стараюсь.

Она дернула за шнур пуска. Насос взвыл голосом грешника в котле. Из трубы хлынула вода.

Не струйкой. Ниагарой.

Шланг вырвался из рук Тани и начал жить своей жизнью. Он извивался, как водяной удав, сбил крынку с молоком с забора, помял любимые флоксы Семёна и попытался захлестнуть самого агронома, который чудился Тане в каждом кусте малины.

Полчаса ушло на борьбу с гидротехникой.

Когда фонтан удалось усмирить, Таня направила струю на грядки.

И тут началось самое страшное. Интенсивная гидратация.

Через полчаса полива Таня поняла, что стоит посреди болота. Сапоги утонули по колено. Помидоры «Бычье сердце» начали подозрительно пузыриться. Один лопнул с влажным хлопком, забрызгав кружевные манжеты томатным соком.

— Кровавый Мэри какой-то, — поморщилась Таня. — Сема, чтоб тебе на конференции кровать без простыни досталась.

К трем часам ночи сад превратился в филиал Венеции. Вода стояла по пояс. Леший Игнат, вышедший до ветра, посмотрел на этот пейзаж, икнул и молча ушел обратно в туман, решив, что река Вонючка вышла из берегов.

Водяной Степан высунулся из бочки для сбора дождевой воды, принялся и сказал:

— Хозяйка, у тебя тут уровень поднялся. Заходи ко мне, в дурачка перекинемся. А то скучно одному утопленников ждать.

Наконец, мучения кончились. Таймер щелкнул. Насос затих с таким стоном облегчения, что его хотелось пристрелить из осинового кола.

Таня вылезла на сухое место крыльца. Она была похожа на болотную кикимору после неудачного развода. Сапоги остались где-то на середине участка.

Утром приехал Сеня.

Он вышел из автобуса, бодрый, загорелый, пахнувший успехами отечественного бахчеводства. Подошел к калитке и замер.

Его глазам предстала дельта реки Нил. Между островками сухой земли торчали верхушки помидорных кустов. На одном из них, словно русалка на ветвях, сидела абсолютно счастливая Кикимора Зина и ловила рыбу шляпой. Водяной организовал заплыв на выживание между теплицей и сортиром.

Сеня шагнул вперед и тут же потерял туфлю. Выругался матом, от которого у ворон повылетали яйца из гнезд прошлых сезонов.

Из дома вышла Таня. Чистенькая, причесанная, пьющая томатный сок из бокала.

— Доброе утро, начальник, — промурлыкала она. — Как конференция? Брюква аплодировала стоя?

— Та-а-аня, — простонал Сеня, глядя на свой уничтоженный огород. — Что... что здесь произошло? Тут же озеро! Мой лук всплыл!

— Я выполнила инструкцию, — гордо заявила вампирша. — Интенсивная гидратация. Корневая система просто обязана быть благодарна. Правда, часть корней решила эмигрировать в сторону пруда, но это естественный отбор, Дарвин одобрил бы.

— Где насос?!

— Испустил дух, — вздохнула Таня. — Просил передать, что уходит в лучший мир, где розетки заземлены, а садоводы понимают толк в эстетике некроза.

Сеня сел прямо в лужу. Достал из кармана чекушку, хлебнул и уставился в одну точку.

— Всё, — сказал он мертвым голосом. — Завтра сажаю асфальт. Или кактусы. Тебе премию выпишу. Мешок чеснока прошлогоднего. Чтоб жизнь медом не казалась.

Таня улыбнулась уголком рта. Жизнь в Двуречках определенно налаживалась. Главное — никогда не признаваться, что ночью она случайно пустила воду не из шланга, а прорвала старый сельский водопровод, который председатель деревни искал пятнадцать лет. Но это уже совсем другая статья расходов.

Офсайд из преисподней, или Танин «Зенит»

В деревне Двуречки осень наступила внезапно и как-то боком. Листья падали не вниз, а куда-то в сторону сельсовета, намекая на политические перемены.

У вампира Татьяны Михайловны случился экзистенциальный кризис. Кровь девственниц пить было негде — экология уже не та, да и с девственницами в Двуречках после открытия местного клуба стало туго. По ночам Таня бродила по своему запущенному кладбищу, пинала надгробия и чувствовала себя глубоко несчастной.

— Смысл жизни потерян, — жаловалась она ворону Матвею, который подрабатывал местным почтальоном и заодно разносил сплетни. — Всё тлен. Футбол смотреть надоело, Семен-агроном опять напился браги и орёт матерные частушки про вратаря Акинфеева. Хочу самореализации.

— Так иди работать, — каркал Матвей, пряча голову от ветра. — У нас в сельпо продавщица уволилась. Говорит, печень просится на пенсию.

— Продавать водку трактористам? — фыркнула Таня. — Это моветон. Мне нужно что-то... великое. Чтобы дух захватывало. И чтобы у Семёна челюсть отвисла до пупка.

Идея пришла к ней во вторник, когда луна была похожа на плохо пропеченный блин. Местная нежить совсем распустилась. Леший Игнат спивался прямо в лесу, пугая грибников белочкой собственного производства. Кикимора Зина целыми днями сидела в болоте, листала глянцевого журналы о ремонте и ныла, что хочет джакузи. Водяной просто лежал на дне пруда лицом вниз, изображая экологическую катастрофу.

Таня собрала их на поляне методом принудительного вызова (просто выкрикивала имена так страшно, что эхо плакало).

— Господа алкоголики, тунеядцы и лица без определенного места утопления! — начала она, взобравшись на старый пенек. — Докатились. Позорите звание нечистой силы. От вас покойником не пахнет, от вас перегаром несет!

— Имеем право, — икнул Леший Игнат, пытаясь сохранить вертикальное положение. — Мы существа тонкой душевной организации. Творческие.

— Творчество я вам устрою, — многообещающе улыбнулась Таня, демонстрируя клыки. — Я организую футбольную команду. Будем играть в местной лиге пенсионеров против команды «Трудовые Резервы» колхоза «Светлый путь». Они думают, мы только цепями греметь умеем. Покажем им тактику мелкого фола.

Нежить замерла. Первым опомнился Водяной. Он булькнул так, что со дна поднялась тина сорокалетней давности.

— Тань, ты сбрендил? У меня ноги мокрые постоянно, какие бутсы? Я себе ревматизм заработаю, кто будет карасей гипнотизировать?

— Ты будешь вратарем! — отрезала Таня. — У тебя руки длинные, скользкие. Мяч прилипнет намертво. Плюс фактор запугивания: выплывешь из ворот — любой нападающий описается и попросит замену. Стратегия!

Кикимору Зину поставили на левый фланг защиты.

— Почему я?! — квакала она, поправляя накладные ресницы. — У меня маникюр! Шеллак между прочим! Я его в топах заказывала, редкий цвет «Болотная тоска»!

— Именно поэтому, — хищно сузила глаза Таня. — Будешь шипами царапаться. Никакой судья не докажет, что это не естественные водоросли. А если начнут удалять — плачь. Скажи, что у тебя дети головастики остались некормленными. Судьи любят сироток.

Лешего Игната определили в нападение. Во-первых, он умел путать следы. Противник бежит за мячом, а оказывается в крапиве за пределами стадиона. Во-вторых, Игнат мог превра-

щаться в корягу. Представьте картину: идет атака, защитник замахивается для удара, а «мяч» вдруг встает, показывает зубы и говорит человеческим голосом: «Дай пас, сволочь».

Сборы проходили тяжело.

Водяной отказывался бегать кросс, аргументируя тем, что гравитация — это буржуазный пережиток, и вообще, он амфибия, ему положено ползать. Пришлось Тане пригрозить, что сольет воду из пруда и отправит его в баню к Митричу париться. Помогло мгновенно.

Зина порвала три пары колготок об кусты, пока училась делать подкат. Но когда поняла, что можно безнаказанно валять соперниц в грязи, вошла в раж.

Игнат тренировался лучше всех. Он научился принимать форму футбольного мяча. Правда, катился всегда не туда, обычно в магазин за чекушкой, но потенциал был виден.

Матч состоялся в субботу.

Стадион колхоза «Светлый путь» гудел. Команда «Трудовые Резервы» вышла в новенькой форме, лоснясь от машинного масла и борща. Их капитан, кузнец Захарыч, жевал травинку и смотрел на соперников с ленивым интересом сытого медведя.

Свисток судьи утонул в гробовой тишине.

На поле вышли они.

Впереди шел бледный, элегантный Леший в слишком коротких трусах поверх треников (других не нашлось). За ним ковылял Водяной, оставляя мокрый след, от которого газон сворачивался в трубочку. Замыкала шествие Кикимора Зина, которая успела где-то стащить блестящие гетры.

— Батюшки светы, — перекрестилась баба Нюра на трибунах. — Это чегой-то такое зеленое?

— Это легионеры, — важно пояснил дед Василий. — Из Африки приехали. Или из Австралии.

Первый тайм стал шоком для всей области.

«Трудовые Резервы» владели инициативой ровно три минуты. На четвертой минуте Игнат превратился в куст шиповника прямо на линии штрафной. Нападающий колхозников запутался в ветках, начал чесаться и пропустил гол. 1:0 в пользу нежити.

Второй тайм начался с катастрофы.

Водяной замерз. Октябрь всё-таки. Его пальцы перестали гнуться, превратившись в ледышки. Когда летел опасный мяч, вратарь вместо того, чтобы поймать его, просто покрылся инеем и впал в анабиоз. Мяч медленно закатился в ворота. 1:1.

— Вася, включай форсаж! — орала Таня с кромки поля, размахивая берцовой костью вместо палки тренера. — Дыши на него паром! Ты же водяной, а не холодильник марки «Саратов»!

За пять минут до конца Игнат решил пойти ва-банк. Он принял облик огромного буре-лома и пошел тараном на ворота противника. Кузнец Захарыч, увидев несущееся на него дерево, вспомнил детство, проведенное в церкви, и попытался перекреститься прямо на бегу. Получилось неловко. Дерево врезалось в ворота вместе с сеткой, штангами и самим Захарычем. 2:1!

Финальный свисток потонул в реве. Ревели все: Таня прыгала выше перекладины, Зина целовала штангу, Водяной таял от счастья и залил полполя талой водой.

Вечером в склепе был банкет.

— Мы легенда, — мурлыкала Таня, попивая томатный сок пополам с вишневым сиропом (близко к крови, но дешевле). — Про нас газеты писать будут. «Одесская Чертановщина», раздел «Курьёзы спорта».

— Главное, премиальные выбить, — солидно заметил Игнат, вычесывая из шерсти сухую листву. — Мне на новый дуплистых пчел купить надо, мед нужен позарез.

— Будет тебе мед, — пообещала Таня. — Следующая игра через неделю. Готовься. Будем ставить высокий прессинг. И скажи Водяному, пусть шапку вязаную надевает, а то воспаление легких схватит, кто нам тогда пенальти отбивать будет своими сосульками?

Над Двуречками всходила полная луна. Где-то вдали кричал филин, отсчитывая добавленное время. В российском футболе появилась новая сила, и имя ей было — отчаяние сельской администрации.

Кубок грязи, или Как Двуречки чуть не стали Липецком

В деревню Двуречки большой футбол пришел на тракторе «Беларусь». Трактор принадлежал агроному Семёну и пах озоном и безысходностью. На прицепе стояла единственная в районе работающая звуковая аппаратура.

— Сема, ты зачем колонки травой замаскировал? — прошипела Таня, поправляя тренерский свисток поверх кружевного воротничка. — Мы выглядим как передвижной стог сена с амбициями.

— Конспирация, Татьяна Михайловна, — выдохнул Семен, вытирая пот со лба кепкой. — Если участковый Петров увидит звуковые системы до матча, он их конфискует на нужды дня милиции. А у нас сегодня историческое событие. Битва деревни с областным центром.

Произошло страшное. В ходе жеребьевки Кубка Черноземья (из-за ошибки секретарши, которая вместо жребия тянула бумажки из банки с маринованными огурцами) команде нежити Двуречек выпало играть против профессионального клуба «Металлург», выступающего временно в самом низу всех профессиональных лиг.

Липецкий клуб приехал на трех автобусах. Вышли парни в термобелье, похожие на элитных бойцов спецназа. У них были икры размером с голову Семёна и зубы такие белые, что вампир Таня почувствовала себя старой желтой прессой.

— Это провал, — каркала Матильда-ворона, сидя на крыше раздевалки (бывшей трансформаторной будки). — Они нас перебегают даже задом наперед. Я видела их разминку, там один ногу задирает выше моего гнезда! Там птенцы живут, между прочим!

— Не дрейфь, пернатая, — ухмыльнулась Таня. — У нас есть то, чего нет у них. Бюджет министерства обороны и полное отсутствие коленных чашечек.

Она вывела команду.

Состав был устрашающим:

Вратарь: Водяной Степан. Стоял в собственной луже. От него шел пар.

Центр защиты: Леший Игнат. Пах хвоей и валокордином.

Нападение: Кикимора Зинаида. Накрасила губы ядовито-зеленой помадой для деморализации противника.

На остальных позициях играла нежить, все время в тихую меняясь.

Но кто им что скажет, они же на одно лицо, вернее на один череп похожи.

Запас: Баба Яга (в запасе, потому что радикулит), Домовой Кузя (судил бы лучше, но пришлось играть) и Овинный (никто не знал, кто это, оно просто сидело в углу и пугало тараканов).

Свисток судьи прозвучал как приговор.

Тайм первый: Разрыв шаблона

«Металлург» начал уверенно. Мяч летал по полю пушечным ядром. Липчане играли в короткий пас, катали треугольники, делали забегания.

Двуреченская защита смотрела на это, открыв рты.

— Красиво идут, — пробормотал Игнат, провожая мяч взглядом. — Интеллигенция. Не то что наши механизаторы.

Когда нападающий липчан вышел один на один с Водяным, стадион замер. Нападающий разбежался, сделал финт...

...и пролетел мимо мяча. Потому что мяча не было. Был корень дуба, который Игнат подставил под ноги в последнюю секунду. Корень злобно щелкнул зубами и уполз обратно в газон.

Нападающий упал в лужу к Водяному.

Степан булькнул приветливо и случайно втянул форварда в ноздрю. Форвард выскочил оттуда зеленый, покрытый тиной и почему-то совершенно седой. Его заменили прямо в первом тайме. Диагноз врача скорой помощи: «Резкое осознание тщетности бытия».

Счет 0:0. Но морально Двуречки уже вели.

Тайм второй: Тактика выжженной земли

Липецкий тренер посинел то ли от злости, то ли от холода, и орал так, что птицы падали замертво.

— Бегите! Жмите! Что вы стоите?!

Его команда бежала. И сталкивалась с аномалиями.

Мяч вдруг начинал светиться синим и пищать ультразвуком (Домовой Кузя подsunул туда старую микроволновку). Боковая линия оживала и хватала крайних полузащитников за трусы (Таня договорилась с местным Иван-чаем).

На шестидесятой минуте случилось непоправимое.

Кикимора Зина пошла в жесткий стык. Она была девушкой простой, болотной, про правила fair play читала только в гороскопах. Подкат получился идеальный — соперник взлетел метра на три, перевернулся через голову и приземлился точно в медицинскую палатку, сломав носилки.

Арбитр полез за красной карточкой.

— Судью на мыло! — взревел дед Василий с трибун.

— Молчать, верните селедку! — огрызнулась судья, пытаясь перекричать толпу.

И тут вступила Таня. Она вышла к бровке. Медленно сняла темные очки. Посмотрела на судью своими древними, красными глазами человека, который давно не платил за ипотеку души.

— Молодой человек, — сказала она голосом, от которого скисло молоко в соседнем селе. — Если вы удалите мою девочку, я превращу ваши карточки в настоящие. Из осины. И загоню их вам под ногти по одному. У меня опыт работы инквизитором еще до того, как это стало мейнстримом.

Судья побледнел, сглотнул и карточку убрал. Вместо этого дал штрафной в сторону Двуречек.

Финал: Гол столетия

Штрафной бил лучший бомбардир «Металлурга», парень с зарплатой больше, чем бюджет района. Стенка из нежити смотрелась жалко: Водяной дрожал, Игнат пытался слиться с пейзажем, а Овинный вообще ушел молиться своим сельскохозяйственным богам.

Удар!

Мяч полетел в девятку. Казалось, сетка сейчас лопнет от оскорбления.

Водяной понял: это конец. Он закрыл глаза, выставил руки и приготовился стать частью истории спорта как «самый мокрый покойник».

Но в этот момент произошло чудо. Или должностное преступление.

Баба Яга, сидевшая на скамейке запасных якобы с больной поясницей, вдруг вскочила. Сняла свою ступу с тормоза, прыгнула внутрь и с криком «Подвинься, молодежь!» вылетела прямо навстречу мячу.

Она поймала его... тем местом, которым обычно садятся в ступу.

Звук был такой, будто выстрелили из гаубицы внутри кастрюли.

Стадион ахнул.

Яга, морщась и держась за поясницу, аккуратно взяла мяч руками (по правилам игры вратарю можно брать в руки в площади ворот, а ступа теперь считалась частью тела по решению Тани).

Контратака!

Зина приняла передачу, промчалась сквозь застывших от ужаса защитников «Металлурга». Перед ней остался только вратарь. Огромный, как скала, профессионал.

Зина остановилась. Посмотрела на него. Потом достала из декольте банку соленых огурцов, открыла её об лобовое стекло соперника (мысленно) и посмотрела ему в глаза самым жалобным взглядом, на который способна только женщина весом сорок килограмм, требующая шубу.

— Дай гол, а? — тихо сказала она. — Мне завтра корову вести на случку, неудобно перед людьми с нулевым счетом возвращаться.

Вратарь дрогнул. В глазах российской женщины-босса всегда есть что-то гипнотическое. Он посторонился. Пропустил мяч между ног. Сел на газон и заплакал.

1:0 в пользу Двуречек.

Финальный свисток утонул в гуле. Местные трактористы качали Бабу Ягу вместе со ступой. Водяной пускал салюты из ила. А липецкий «Металлург» уезжал в тишине, сбрасывая скорость, чтобы не привлекать внимания патрулей.

Таня подошла к Семену. Агроном плакал от счастья, пачкая лицо грязью.

— Тренер, мы... мы сделали их!

— Конечно сделали, Сема, — устало улыбнулась Таня, доставая сигарету. — Профессиональный спорт держится на фарме и деньгах. А мы держимся на ревматизме, вековых проклятиях и том факте, что наш Водяной умеет топить людей взглядом. Непобедимая комбинация. Ладно, пошли домой. Нам ещё протокол подписывать. Надеюсь, они не заметят, что наш левый защитник числится в реестре памятников архитектуры федерального значения.

Ночь в Двуречках пахла победой, портвейном «777» и мокрым Лешим. Жизнь определенно налаживалась.

Футбольный экзорцизм, или Дело о живом мяче

В деревне Двуречки после победы над липецким «Металлургом» наступила эпоха Возрождения. Леший Игнат бросил пить настойку на жабьем помёте и начал читать Шопенгауэра — правда, вверх ногами, но направление было выбрано верное. Водяной Степан похудел от гордости и теперь булькал исключительно баритоном. Кикимора Зина купила в сельпо духи «Красная Москва» и требовала называть её не иначе как Зинаидой Аркадьевной.

А потом пришло письмо.

Не голубь принёс, не Матильда-ворона каркнула. Пришло ценным письмом с уведомлением о вручении. Бумага была такая белая и официальная, что Таня порезала об неё палец, хотя вампиры обычно режутся только о бытовые проблемы.

— Сема, иди сюда, у меня глаза кровью наливаются, ничего не разберу, — позвала она агронома. — Что тут написано? Мелким почерком, как завещание моей прабабушки перед тем, как она съела конюха.

Семен надел очки для резки металла и всмотрелся в текст.

— Опа... Протест подадут. Липецк пишет, что матч был недействительным.

— Как это недействительным?! — взвилась Таня. — Я лично гипнотизировала судью! У него до сих пор тик остался и желание выращивать герань!

— Тут пишут, пункт 4.1 Регламента соревнований: «Участие потусторонних сил, магии, оборотничества и прочей аномальщины запрещено», — прочитал Семен, водя пальцем по строчкам. — И пункт 8.2: «Игроки должны состоять из плоти и крови».

— А я из чего?! — возмутилась Таня, демонстрируя клыки. — Между прочим, кровь первой группы, резус отрицательный, почти элитная! Редкий винтаж!

Но бюрократия неумолима, особенно когда речь идет о чести областного футбола. Из города приехала комиссия. Три человека в серых костюмах, пахнущих скукой и валидолом.

Их встретили торжественно. На крыльце склепа (ныне — штаб-квартира клуба «Двуречки-Юнайтед») расстелили ковровую дорожку из мха. Игнат стоял навывтяжку, пытаясь сделать лицо менее деревянным.

Инспекция длилась три часа.

— Так, гражданин Домовой, почему вы во время игры светились ультрафиолетом? — спрашивал главный инспектор, тыкая ручкой в протокол.

— Это естественная биолюминесценция, вызванная стрессом! — пищал Кузя, прячась за спину Семёна. — У меня работа нервная, пауков гонять!

— Гражданин Водяной, объясните наличие жабр в заявочном листе. Согласно паспорту РФ, вы значитесь как Сидоров Степан Иванович, проживающий в пруду. Где справка от терапевта?

— Паспорт намок, буквы расплылись, — честно булькнул Водяной. — Могу справку от русалок принести. Они хоть и дуры, но печать у них гербовая имеется.

— Гражданка... э-э-э... Кикимора. Почему ваши ноги оставляют мокрый след шириной полметра? Это нарушение разметки поля!

Зина хотела заплакать, но вместо слёз у неё капала болотная вода прямо на казенные брюки инспектора. Тот побледнел и решил, что инфаркт можно отложить до вечера.

Вечером состоялось экстренное заседание комитета Лиги Черноземья. Таня пошла туда одна. Без оружия, без летучих мышей-перебегчиков. Только с запахом вечности и легким перегаром от выпитой накануне донорской крови (сдавал местный пастух Василий, дешево и сердито).

Председатель комиссии, человек с лицом, похожим на плохо пропеченный блин, посмотрел на неё поверх очков.

— Татьяна Михайловна, ситуация критическая. Мы просмотрели видеозапись. Мяч после удара вашего нападающего изменил траекторию, потому что его клюнул за шнурок настоящий ворон. Ваша защита стояла насмерть, буквально — один из ваших игроков рассыпался трухой при отборе мяча, а потом собрался обратно. Гол забит ступой Бабы-Яги, которая по документам является транспортным средством повышенной опасности, а не частью тела.

— Это тюнинг! — попыталась спорить Таня. — Ступа прошла техосмотр у Кошея!

— Решение принято единогласно, — отрезал председатель, стукнув ладонью по столу так, что подпрыгнула пепельница. — Результат матча аннулирован. Техническое поражение 0:3. Команде нежити «Двуречки» пожизненно запрещено участвовать в соревнованиях под эгидой Федерации Футбола. Идите, женщина... то есть... гражданка нечистая сила. Не мешайте работать.

Таня вышла на улицу. Ветер гнал по асфальту пакет из «Пятёрочки». Выглядело это куда более уныло, чем игра их команды.

Когда она вернулась в деревню, там уже шел несанкционированный митинг.

Леший Игнат пытался повеситься на собственных корнях, но корни были живые и сопротивлялись. Водяной устроил потоп в собственном доме (то есть просто сидел в луже и пускал пузыри). Даже коты перестали ловить мышей, выражая солидарность профсоюзу хвостатых.

— Значит так, — сказала Таня, влезая на тот самый пенек, с которого всё начиналось. Команда окружила её плотным кольцом. — Закон суров, но он закон. Нам запретили играть в футбол официально. Но нигде не сказано, что нам запрещено играть неофициально.

— Это как? — прохлюпал Водяной.

— А вот так. Следующая неделя — Кубок Огорода. Участвуют: наш клуб, команда свиней деда Митрича и сборная пенсионеров «Божьи одуванчики» (хотя эти хуже липчан играют, злее). Вход платный. Принимаем натурой: комбикорм, самогон и пуговицы. Судьей будет Филин. Он слеповат, зато взятки берет мышами. Никакой бюрократии. Чистый спорт.

Нежить взревела так, что в Липецке «Металлург» снова пропустил гол на последних минутах — говорят, вратарь внезапно почувствовал первобытный ужас и присел завязать шнурки, которых у него не было.

Через неделю местная газета «Вестник Черноземья» вышла с заголовком: «Скандал в Двуречках: зафиксирована договорная игра между командой нежити и сборной Фашевских пенсионеров. Ведется расследование».

Футбол вернулся. Пусть и немного подгнивший, покрытый мхом и пахнущий формалином, но живой. Ну, или не совсем живой. Главное — счет на табло, нарисованном дегтем на стене сарая.

Комбикорм с клыками, или Диета по-вампирски

В деревне Двуречки утро начиналось не с кофе. Оно начиналось с мата агронома Семёна и хруста его коленей, когда он на четвереньках искал сбежавшего поросёнка Прошку.

Семен был человеком земли. От него пахло перегноем, трудовым потом и вчерашним рассолом. У вампира Тани от этого запаха сводило скулы и просыпалось желание написать жалобу в ООН о нарушении прав нежити.

— Татьяна! — голос Семёна прозвучал как скрип несмазанной телеги смерти. Он стоял на крыльце склепа (Таня принципиально отказывалась называть это «дачным домиком») и протягивал ей эмалированное ведро. Внутри что-то шуршало и пыталось жить. — Я отбываю. Срочная ревизия овощехранилища. Если председатель узнает, что я прошлый раз списал три мешка картошки на «усушку и утруску», меня сдадут на органы. Вернусь к вечеру. На тебе живность.

Таня выглянула из гроба (она называла это «утренняя спа-процедура для цвета лица»). Глаза её светились тем самым красным огнем, которым обычно горит газовая конфорка перед взрывом.

— Сема, побойся Бога... то есть, меня. Какая живность? Мои питомцы питаются экзистенциальной тоской и редкими каплями крови грешников. Зачем мне твои пернатые чучела?

— Кормить надо! — отрезал Семен, тыкая ведром ей в руки. Ведро было теплым и подозрительно шевелилось. — Вот комбикорм. Это святое. Там витамины, микроэлементы и душа русского крестьянина. Насыплешь вот отсюда в корыто. Поняла? Никому больше не давай. Особенно Водяному. А то он прошлый раз пытался научить кур плавать стилем баттерфляй. Утопил петуха Борьку, теперь ходит, страдает, пишет ему стихи на иврите.

— Иврит сложный, — задумчиво протянула Таня. — Там гласных нет, сплошные согласные страдания. Ладно, иди уже. Только учти: если твоя свинья опять сожрет мои георгины, я устрою ей религиозное просветление через осиновый кол. Прямо в корму.

Семен уехал на своем дребезжащем велосипеде, а Таня осталась один на один с природой. Природа смотрела на неё из сарая голодными глазами.

Сарай встретил её густым запахом аммиака и птичьего отчаяния. Курицы сидели на насестах, напоминая депутатов после заседания — такие же взъерошенные и бессмысленные.

Таня брезгливо понюхала ведро с комбикормом. Пахло пылью, плесенью и безысходностью.

— И вы это едите? — обратилась она к ближайшей курице. — Милочка, да у вас гастрит на почве бедности. Вы бы хоть клюквы попросили...

Курица посмотрела на неё стеклянным глазом и ничего не ответила. Наглость живого мира всегда поражала Таню.

Она зачерпнула горсть серых гранул. Гранулы были похожи на старый мышиный помет, но Сеня уверял, что это элитная пшеница.

— Bon appétit, — сказала Таня и щедрой рукой сеятеля сыпанула корм в деревянное корыто.

Куры замерли. Потом одна, самая смелая (или самая глупая), подошла, клюнула...

Хрустнуло так громко, будто сломали сухую ветку. Курица икнула, закатила глаза и упала набок. Лапки вытянулись струной.

Остальной курятник затих. Даже мухи перестали жужжать, почуяв неладное.

— Ой, — пискнула Таня. — Кажется, у нее индивидуальная непереносимость крестьянского счастья.

Вторая курица, видя, что товарке стало дурно, решила проявить солидарность. Она подошла, клюнула труп подруги (видимо, проверяя пульс) и тоже рухнула замертво. За ней третья.

Четвертая просто посмотрела на корм, тяжело вздохнула и умерла от одной только мысли о предстоящей жизни.

Через пять минут всё было кончено. Весь курятник лежал белыми тушками вверх, раскинув крылья в позе морских котиков на солнце. Идеально синхронно.

У Тани зашевелились волосы. Не метафорически. Буквально. Парик эпохи Людовика XIV встал дыбом.

— Так, спокойно, — пробормотала она, доставая сигарету. — Это не я. Это экология. Или птичий грипп. Эпидемия. Да! Мор! Божье наказание! Надо позвать кого-нибудь независимого.

Она выбежала во двор.

— Игнат! Леший! Иди сюда, посмотри на аграрное чудо!

Леший выполз из малинника, жуя лист лопуха вместо закуски.

— Чаво орешь? Спугнешь мою белочку, она ко мне только приручаться начала...

— Посмотри туда! — Таня ткнула пальцем в сарай.

Игнат заглянул внутрь. Почесал затылок, отчего посыпалась кора.

— Однозначно дохлые, — поставил диагноз он. — Симптомы классические: лежат, молчат, не гадят. Давно преставились?

— Только что! — чуть не плача воскликнула Таня. — Я им только корма насыпала Семиного...

— А-а-а, — понимающе протянул Игнат. — Ну тогда ясно. Это не мор. Это отравление суррогатами. Сеня этот свой комбикорм где берет? На свалке ракетного топлива? Там половина таблицы Менделеева радиацией фонит так, что вороны над селом летают задом наперед. Ты их вскрывать будешь? Я могу помочь, у меня ножовка острая...

— Господи, уйди, некрофил болотный! — взвизгнула Таня. — Мне нужно решение! Сеня меня в землю по самую маковку закопает! Живьем!

Решение пришло внезапно, как налоговая проверка.

Водяной. Он же вечно пьяный, вечно мерзлый и очень предприимчивый.

Таня нашла его в бочке. Степан сидел там с удочкой и ловил собственный хвост.

— Степанида, выручай, — затараторила Таня, вытаскивая его за скользкий ворот рубахи. — Нужна замена биомассы. Идентичная натуральной.

— Коньяк французский завезли? — булькнул Водяной.

— Хуже. Куры. Двадцать штук. Свежие, еще теплые. Сделай так, чтобы они выглядели живыми к вечеру. Сеня вернется, мы их обратно в сарай посадим. Скажем — спали. Летаргия. Бывает.

Водяной любил сложные задачи. Через час работы под чутким руководством Тани сельский пейзаж преобразился.

Куры сидели на насесте. Правда, слегка кривовато. И кожа у них отдавала синевой утопленника. А глаза... глаза смотрели в вечность с такой вселенской грустью, что даже участковый Петров, зашедший спросить соли, перекрестился и ушел, забыв фуражку.

— Нормально, — кивнула Таня, поправляя гребешок одной из птиц. — Добавь им румянца. Они должны выглядеть здоровыми. Ну, знаешь, цвет лица «Свежий покойничек».

— Легко, — ухмыльнулся Водяной, мазнув куриц свекольным соком.

Сеня вернулся затемно. Уставший, грязный, но довольный — председателю он доказал, что картошка усохла ровно на 146%.

Он вошел во двор, потирая руки.

— Сейчас оmlет... — мечтательно протянул он. — С салцем... Таня, золотце мое ночное, покормила моих девочек?

— Обижаешь, — томно улыбнулась Таня, выходя на крыльцо. — По расписанию. Витамин Д, группа Бэ, все дела. Сидят сытые, счастливые.

Они подошли к сараю. Сеня открыл дверь.

Воцарилась тишина. Та самая, которая бывает в склепах глубокой ночью.

Агроном шагнул внутрь. Посмотрел на насесты. Прищурился. Подозвал Таню.

— Та-а-ань... — голос его стал тихим и ласковым, как звук бензопилы. — А чего они... синие?

— Загорели, — быстро нашлась Таня. — Ультрафиолет полезен для костей. Кальций усваивается лучше.

— А почему... не двигаются? — Сеня взял одну «курицу». Та качнулась в его руках, как маятник, и уставилась на него мертвым взглядом старой учительницы математики.

— Медитируют, — прошептала Таня. — Дзен-буддизм. Очень модно в этом сезоне среди домашней птицы.

Сеня подошел ближе. В лунном свете его лицо начало приобретать оттенок тех самых помидоров «Бычье сердце».

— Таня... — сказал он совсем тихо. — У этой медитации... клюв ниткой перевязан. Потому что отвис. Да?

— Это... акупунктура! — пискнула Таня, понимая, что провал разведки неизбежен. — Для улучшения яйценоскости!

И тут Сеня заметил самое страшное.

Среди «живых» кур, на полу, лежала та самая первая, настоящая жертва Таниной кулинарии. Видимо, Водяной забыл её убрать, увлекшись гримированием.

Агроном поднял её. Повертел в руках.

— Таня, — произнес он голосом человека, принимающего самое важное решение в жизни. — Я понял. Тебе нельзя доверять животных. Тебе вообще никого живого доверять нельзя.

Он посмотрел на синий куриный батальон. Потом на Таню. Потом снова на курицу.

— Знаешь что? — вдруг улыбнулся Сеня. Улыбка была широкой, доброй и предвещала Апокалипсис. — Это же удача! Мы теперь бизнесмены! Открываем аттракцион «Комната страха: Избушка ужасов». Водяного поставим за кассу. Игната нарядим лешим, пусть пугает детей. А этих... — он махнул рукой в сторону сарая, — ...этих будем продавать как эксклюзивных готических курочек. Экспорт в Европу. Назовем породу «Синяя бездна». Звучит?

Таня сглотнула. Перспектива стать фермером-птицеводом-миллионером её прельщала мало. Но перспектива объяснять участковому про двадцать случаев внезапной остановки сердца у пернатых прельщала ещё меньше.

— Бизнес-план сырой, — прохрипела она. — Налоги платить придется.

— Ерунда, — отмахнулся Сеня, бережно укладывая «несушку» обратно на насест. — Оформим как арт-инсталляцию. Получим грант от министерства культуры. Главное, Таня... — он повернулся к ней, наставив палец. — Никогда. Больше. Не корми. Моих. Кур. Своими... методами. А то знаю я тебя, небось чесноком хотела накормить, чтоб глисты не приставали?

— Что ты! — возмутилась Таня, прижимая руку к груди. — Исключительно эстетическое созерцание мрака. Им полезно.

Ночь в Двуречках прошла беспокойно. Синяя птица удачи села на крышу дома Семёна и отказалась улетать. Участковый написал заявление об увольнении и ушел в монастырь писать иконы черной сажей. А Таня всю ночь стояла у окна и думала о том, что быть бессмертной иногда очень утомительно, особенно когда твой единственный живой друг — агроном с прогрессирующей стадией гениальности.

Диалектика шерсти, или Крах идеализма в Двуречках

В деревне Двуречки у вампира Тани была собака.

Звали его Владимир Ильич. Или просто Ленин. Когда Таня злилась, она звала собаку просто Хасиком.

Это был хаски. Голубоглазый, наглый и черно-белый, как первый снег на свежевыкопанной могиле. Таня посмотрела в эти ясные глаза цвета июльского неба, увидела там вселенскую тоску по мировой революции.

Проблема была одна. Имя собаке дали не сразу. Сначала звали Хасиком. Но когда Хасик сожрал единственный экземпляр районной газеты «Вперед, к коммунизму!», даже не прожевав портрет председателя сельсовета, Таня поняла: это знак. Так появился Владимир Ильич.

Ленин оказался псом тонкой душевной организации. Он игнорировал палки, душил кошек и терпеть не мог запах чеснока. Зато любил книги.

Таня читала ему вслух. По ночам, сидя в старинном вольтеровском кресле (украденном из усадьбы помещика Ненашева ещё до первой русской революции), она декламировала немецкую классику. Гегель заходил лучше всего. От Канта Ленина тошнило — видимо, от обилия антиномий. А вот «Феноменология духа» ложилась на душу идеально.

— «Сова Минервы вылетает только в сумерки...» — тянула Таня, поглаживая черно-белую шерсть. Пес лежал у её ног, положив морду на лапы, и смотрел вдаль так, словно видел сквозь стены сарая классовую борьбу соседских кур.

— Вот скажи мне, Вовочка, — обращалась к нему Таня. — Почему Семен-агроном считает меня дурой? Я два века живу, знаю латынь, греческий и рецепт самогона из табуретки, а он смотрит на меня как на плесень на своих огурцах. Это отчуждение труда от средств производства?

Ленин тяжело вздыхал. Из рта вываливался розовый язык. Идеализм во взгляде боролся с желанием украсть со стола кусок докторской колбасы.

Отношения с Семёном у Ленина были сложными. Агроном считал собаку демоном Максвелла. Потому что законы физики возле Ленина ломались. Если Сеня шел поливать огород, шланг обязательно завязывался узлом именно там, где проходил пес. Если агроном пытался поймать сбежавшего поросёнка Прошку, Ленин садился рядом и начинал методично вылизывать себе причинное место, глядя Семену прямо в глаза. Поросяенок от такого экзистенциального ужаса сам возвращался в хлев и просил политического убежища.

— Татьяна, заберите своего Ульянова! — кричал Семен через забор однажды утром. — Он ведет подрывную деятельность!

Таня выглянула в окно. Ленин сидел посреди огорода Семёна. Перед ним стояла чугунная сковородка, на которой жарились яйца (Сеня забыл их на плите). Пес аккуратно придерживал ручку сковородки лапой, чтобы не упала, и внимательно следил за степенью готовности глазуньи.

— У него трудовое воспитание, Сема, — спокойно ответила Таня. — Мальчик должен уметь обслуживать себя сам. Не всё же тебе над моим пролетариатом издеваться со своим капельным поливом.

— Да он теорию прибавочной стоимости применяет! — бушевал Сеня. — Он вчера стащил у бабки Нюры тапок. Когда она пришла требовать обратно, он отдал ей левый. А правый спрятал! И требует выкуп морковкой! Это чистый Маркс!

— Это диалектический материализм, — парировала Таня. — Бытие определяет сознание. У бабки Нюры было плохое бытие, вот и получила половину правды.

Апогеем философского кризиса стал случай с участковым Петровым.

Петров пришел составлять протокол о нарушении тишины (Семен доказывал Водяному преимущество сорта «Синеглазка» громким матом). Участковый вошел в дом Тани без спроса. Это была ошибка.

На столе лежал открытый томик Гегеля. Ленин сидел рядом и читал. Ну, делал вид. На самом деле он просто водил носом по строчкам, потому что бумага пахла старой клеем и мышами, но выглядело это устрашающе.

Увидев огромного черно-белого волка, сосредоточенно уткнувшегося в «Науку логики», милиционер икнул. Потом попятился. Потом попытался вспомнить «Отче наш», но смог выдать только таблицу умножения на семь.

— Гражданин начальник, — лениво пролаял Ленин (во всяком случае, Тане слышалось именно это). — Ваша форма — это оковы объективации личности. Снимайте портупею. Будем говорить о свободе воли.

Участковый упал в обморок лицом прямо в кадку с фикусом. Фикус умер от инфаркта через два часа. Участкового откачали, но теперь он пишет стихи про березки и боится всех черно-белых вещей, включая творог и соль.

Вечером того дня Таня сидела на крыльце. Рядом примостился Ленин. Он жевал обложку от Уголовного Кодекса РФ, делая вид, что изучает поправки.

— Эх, Володя... — вздохнула Таня, запуская пальцы в густую шерсть на загривке. — Умный ты дурачок. Все-то тебя понимают неправильно. Для них ты монстр, пожирающий литературу и здравый смысл. А для меня...

Она замолчала. Над Двуречками висела огромная луна, похожая на плохо пришитую пуговицу к пальто Господа Бога.

— А для меня ты просто шерстяной идиот, который опять съел мои новые кружевные перчатки, — закончила она, шелкнув его по черному мокрому носу. — Где Гегель, там и кожа, да? Логика железная. Пойдем спать, революционер. Завтра рано вставать, будем пугать автолавку. Продавщица Зина говорит, что у неё духи французские закончились, надо проверить, не скрывает ли она товар под прилавком. Экспроприация экспроприаторов, ничего личного.

Ленин согласно чихнул, оставив на брюках хозяйки черный волос. Таня улыбнулась. Жизнь с нежитью тяжела, одинока и полна чеснока. Но когда у тебя есть собака, которая умеет смотреть на тебя так, будто понимает разницу между трансцендентным и имманентным — одиночество отступает. Даже если единственное, что эта собака действительно хочет — это сожрать Вселенную. Начиная с левого тапка участкового.

Красная Шапочка и дистилляция, или Менделеев из Двуречек

В деревне Двуречки осень пахла мокрой листвой, тоской и сивухой.

У вампира Татьяны случился творческий кризис. Кровь девственниц достать было сложно — экология села не предполагала наличия непорочных особ после открытия дискотеки в бывшем зернохранилище. Водяной пил всё, что горит, а потом плакал. Леший Игнат вообще перешел на лосьон «Огуречный» и теперь разговаривал с пнями на латыни.

Таня сидела в склепе (она называла это «лофтом с элементами готики») и смотрела на мухоморы. Их принес агроном Семен. Огромное эмалированное ведро грибов цвета вырвиглаз.

— Сема, я тебе кто? Баба Яга? — брезгливо спросила Таня, поправляя кружевную манжету. — Зачем ты притащил мне этот гербарий имени Кашенко?

— Это наука, Татьяна! — глаза Семёна горели тем самым нездоровым огнем, который бывает у людей перед революцией или запоем. — Алхимия! Мы же хотели поднять рентабельность погребальных услуг. Чего мы как лохи какие-то: просто лежим, гниём... Надо развиваться! Экспортный продукт!

Семен был гением-самоучкой. В прошлом году он вывел сорт картошки «Синий ужас», от которой слепли кроты на три километра вокруг. Теперь его потянуло на фармакологию.

— Понимаешь, — семенил Сеня по склепу, размахивая справочником грибника 1954 года издания. — Мухомор — это же кладезь! Мозг расширяет, дух бодрит. Если настоять на спирту — получится напиток богов. Амброзия! Валгалла! Индейцы так духов вызывали.

— Твои индейцы сейчас вызывают сантехника, потому что их типично протекает, — фыркнула Таня. — А мои духи вызывают участкового Петрова, когда чувствуют запах паленой резины. Но делать нечего. Мне скучно. Давай варить твою отраву. Только если я начну видеть розовых чертей, я им скажу, что это твоя идея.

Лабораторию устроили в бане деда Митрича. Дед сам ушел жить в теплицу, заявив, что там атмосфера чище и огурцы смотрят на него с большим уважением, чем люди.

Аппарат достался Семёну в наследство от румынских партизан. Он гудел, дрожал и выглядел как двигатель летающей тарелки, потерпевшей крушение над колхозом «Путь к коммунизму».

Процесс пошел.

Таня стояла у котла в длинном черном платье. От жара её бледная кожа приобрела благородный оттенок синеватого трупного пятна, но она держалась стойко. Семен бегал вокруг с мензуркой.

— Температуру держи! — командовал он. — Сейчас пойдут «головы». Это метанол. Им только тещ травить. Хотя... зачем добру пропадать? Запишем на будущее.

— Голову свою придержи, Кулибин, — огрызнулась Таня, приняхиваясь. Пахло жжеными тряпками и отчаянием. — И лей уже свой яд. У меня маникюр портится от этой влажности.

Когда закапали первые капли, случилось чудо. Жидкость была не прозрачной. Она светилась. Глубоким, насыщенным, радиоактивным красным цветом. Как глаз Ленина-хаски, когда тот видит кота.

— Рубин! — ахнул Семен. — «Кровь земли»! Назовем «Двуречковский Вампирский Премиум»!

— Ты сначала попробуй, лауреат Шнобелевки, — процедила Таня. — Надеюсь, печень у тебя лишняя выросла вместе с самомнением?

Первую рюмку решили дегустировать на улице. Под старой березой. Для антуража.

Сеня выдохнул, зажмурился и опрокинул содержимое стопки внутрь.

Наступила тишина. Звонящая. Такая, какая бывает перед взрывом газопровода.

Глаза агронома медленно вылезли из орбит. Лицо стало фиолетовым. Из ушей тонкой струйкой пошел дымок.

— Хор-р-рош-шо... — просипел он голосом, похожим на звук бензопилы «Дружба». — Огонь! Душа разворачивается... а потом сворачивается обратно... Таня, я вижу молекулы!

— Какие молекулы? — напряглась вампирша. Ей совсем не хотелось платить алименты жене Семёна за преждевременную вдову.

— Азот вижу! — восторженно вытаращился Сеня. — Вон он полетел! Синенький! Таня, дай лист бумаги, я таблицу периодическую перерисую, пока помню! Там еще какой-то элемент есть... между водкой и огурцом...

Таня понюхала свою порцию. Нос вампира — тонкий инструмент. Она уловила ноты плесени, корвалола, валерианы и легкой шизофрении.

Она выпила.

Мир изменился.

Небо опустилось ниже. Береза начала играть Рахманинова ветвями. Вороны пролетали мимо задом наперед, читая стихи Бродского.

— Ого, — сказала Таня, глядя на свои руки. Рук оказалось шесть, и все они вязали крючком салфетку прямо в воздухе. — Интересный эффект. Сеня, ты какого года грибы собирал?

— Прошлого! — радостно доложил агроном, пытаясь поймать собственный галстук, который пытался уползти в кусты. — А знаешь, почему помидоры кислые? Потому что земля устала! Ей отпуск нужен! На Мальдивы! Давай отправим ей пару центнеров песка египетского, пусть отдохнет!

Через час баня деда Митрича стала центром паломничества всей нежити Двуречек.

Пришел Водяной. Выпил полстакана для сугреву. Вышел на крыльцо и начал дышать огнем. Сгорел забор участкового. Участковый выскочил с ружьем, увидел дышащего паром Водяного в красной панаме (которая раньше была вороной Матильдой) и перекрестился дробью. Промазал. Дробь пошла на посадку и проросла гаубицами.

Леший Игнат, хлебнув «Красной Шапочки» (так назвал напиток Семен), осознал смысл жизни. Смысл заключался в том, чтобы стать табуреткой. Он успешно трансформировался и сидел возле бани вторые сутки, поддерживая пьяного Кузю-домового.

А Таня с Семёном сидели под березой и вели философский диспут.

— Вот скажи мне, аграрный ты мой сектант... — Таня пыталась попасть пальцем в луну. Луна уворачивалась. — Почему любовь проходит, а желание выпить нет?

— Любовь — это буржуазный пережиток! — стучал себя в грудь Сеня. — Главное — коллектив! Трудовой порыв! Таня, выходи за меня замуж официально. Будешь графиней Грибовской.

— Я и так графиня. Ночи. Иди лучше посмотри, твой аппарат живой стал. Он мне подмигивает и просит политическое убежище в Польше.

Утром наступило возмездие.

Оно звонилось в дверь склепа и кричало голосом участкового:

— Откройте, милиция! Я знаю, что вы всю деревню опоили! У меня курицы яйца несут квадратные! Петух кукарекает гимн Советского Союза! Дед Митрич утверждает, что он Карл Маркс и отказывается выходить из огурцов!

Таня открыла один глаз. Рядом храпел Семен. Во сне он решал дифференциальные уравнения и пускал пузыри счастья. На столе стояло пять литров «Рубинового безумия».

Таня посмотрела на бутылку. Потом на дверь, которую уже пытались взять тараном.

Решение пришло мгновенно. Женское, коварное и очень древнее.

Она схватила ведро, плеснула туда самогона, добавила для запаха немного святой воды (оставшейся с прошлого экзорцизма) и вышла на крыльцо.

Петров занес ногу для удара.

— Гражданин начальник, — сладким голосом проворковала Таня. — Давайте без протоколов. У нас тут... консервация испортилась. Грибы бродят. Выделяют токсины. Галлюциногенные. Очень опасные. Особенно для лиц при исполнении. Хотите попробовать? Букет исключительный. Послевкусие — отставка по собственному желанию и покупка домика в Сочи.

Петров посмотрел на красную жидкость. Его кадык дернулся.

— Ну-ка... дай... чисто экспертизу провести... — прохрипел он.

Через десять минут участковый сидел на завалинке, обнимал телеграфный столб и пел ему песню «Белые розы». Столб отвечал взаимностью и мигал лампочкой.

Таня вернулась в склеп. Закрыла дверь на засов. Посмотрела на Семёна.

— Продукт удачный, — констатировала она. — Конкурентов устранять можно дистанционно. Оставляем рецепт. Название утверждаем: «Двуречковский Рассвет Разума». Этикетку рисуем страшную. Чтобы Минздрав не догадался, что это вкусно.

Агроном во сне улыбнулся и перевернулся на другой бок. Ему снились танцующие интегралы. Надвигающаяся зима перестала казаться такой уж холодной.

Деконструкция огурца, или Анатомия разрыва в Двуречках

В деревне Двуречки осень пахла мокрой шерстью и крахом надежд. У вампира Тани закончилось терпение.

Оно не просто закончилось — оно умерло, мумифицировалось и лежало где-то под диваном, рядом с засушенной летучей мышью по имени Герасим. Вся совместная жизнь с агрономом Семёном дала трещину. Трещина начиналась от крыльца склепа (Таня принципиально отказывалась называть это «коттеджем») и уходила прямо к грядке с переросшим кабачком.

— Я так больше не могу, Сема, — сказала Таня ледяным голосом. От этого голоса у Семёна скисло молоко, которое он даже ещё не купил. — Мы чужие люди. Ты человек земли, я — дитя ночи. У нас разная групповая принадлежность крови. И вообще, ты храпишь.

Семен сидел на перевернутом ведре посреди огорода. В руках он держал лопату, как Гамлет — череп Йорика. Лицо его было цвета свеклы после третьего стакана самогона.

— Танюх, побойся дьявола... То есть, себя саму. Какой храп? Это у меня лёгочное! Компрессионное! Когда я сплю, я проветиваю альвеолы!

— Мне всё равно, что ты там вентилируешь! — отрезала Таня, кутаясь в шаль (хотя ей никогда не было холодно; холодно было её душе). — Ты превратил мою вечность в филиал колхоза «Светлый путь»! Я просыпаюсь среди ночи не для того, чтобы пить кровь юных дев, а чтобы слушать про фосфорные удобрения! Фосфор, Семен! Моему организму две сотни лет, мне кальций нужен для блеска клыков, а не твой НРК!

Агроном тяжело вздохнул. Земля ушла из-под ног. Буквально: он покачнулся на ведре.

— Ну куда я пойду, Тань? Кикимора Зинка опять болото приватизировала, Водяной запил синтетическим антифризом... Домового Кузю жена выгнала за то, что он носки прячет в четвертое измерение. Некуда мне идти. Оставь хоть диван.

— Диван останется мне! — взвизгнула Таня. — Он антикварный! Эпоха Николая Кровавого! На нём Распутина пытались травить, между прочим, обивка до сих пор слегка светится цианидом! А ты иди... иди к своему председателю! Обсуждайте с ним диалектику урожая!

Разрыв всегда начинается с мелочей. Сначала они перестали вместе смотреть телевизор. Потом разделили пульт. Затем Сеня начал пересчитывать свои помидоры поштучно.

Жизнь превратилась в ад коммунальной квартиры.

Водяной Степан, пришедший занять сто рублей до зарплаты (зарплату ему платило Министерство Обороны Рыб), застал сцену:

Ленин (хаски) грыз томик Шопенгауэра в углу. Ленин считал, что если хозяева сошли с ума, нужно срочно повышать уровень образования.

Сеня стоял над бочкой с квашеной капустой и разговаривал с ней.

— Вот скажи мне, капуста... Она думает, она аристократка. Графиня Монте-Кристо. А сама спит в холодильнике «ЗиЛ», которому место на свалке истории! Где справедливость?

Капуста пузырилась сочувственно.

Таня тоже страдала. Но по-своему.

Она достала старый гримуар, стряхнула пыль веков и начала составлять список требований при разделе имущества.

Склеп. Полностью. Семену оставить сарай с лопатами.

Кот Матроскин. Потому что кот любит только тех, кто кормит, а Сеня вечно забывает купить «Вискас».

Участок с могилой неизвестного купца. Там герань растет лучше всего.

Душу Семёна. Чтобы не повадно было.

Проблемы начались, когда дело дошло до бытовой техники.

— Холодильник мой! — кричал Сеня из теплицы. — Я его сюда на горбу пер из райцентра, когда Брежнев еще жив был!

— Этот холодильник помнит татаро-монгольское иго! — парировала Таня с крыльца. — В нём Екатерина Вторая устриц хранила! Вернее, могла бы хранить, если бы дожила! Это музейный экспонат!

— Экспонат?! Да у него дверца на одном честном слове и изоленде держится! Забирай свой экспонат, пусть он тебя ночью сожрет своими фреонами!

Самым тяжелым стал разговор о Ленине (собаке).

— Хаски остается со мной, — заявила Таня. — У нас общая эстетическая платформа.

— Владимир Ильич пойдет со мной! — уперся Сеня. — Кто его будет по утрам выводить? Ты же на солнце вспыхиваешь, как китайский фейерверк! Собака страдает без меток территории!

— Метки буду ставить я! Издалека! Плазменными шарами!

Апогей наступил вечером.

Таня решила сварить борщ. Последний совместный ужин. Романтический финал эпохи.

Она рубила чеснок, представляя, что это голова участкового. Сеня чистил картошку, глядя на картофелину как на предателя.

И тут случилось ЭТО.

Таня потянулась за солью. Рука задела банку с сушеными жабрами русалки (приправа для особых случаев). Банка полетела вниз.

Инстинкты сработали быстрее мысли.

Сеня бросился наперехват. Не дать разбиться стеклу. Старый хозяйственник внутри него взвыл от ужаса при виде падающей тары.

Они столкнулись лбами над полом.

Звук был такой, будто два арбуза решили сыграть в регби.

Наступила тишина.

Таня сидела на полу, потирая стремительно растущую шишку. Синяки у неё сходили веками, этот обещал остаться навсегда. Красивый, фиолетовый, в форме созвездия Большой Медведицы.

Сеня сидел напротив, выкатив глаза. Из носа у него шла кровь. Густая, красная, крестьянская кровь группы В.

Он посмотрел на свою окровавленную руку. Потом на неё.

Потом он сделал то, чего не делал двадцать лет.

Он улыбнулся. По-настоящему, без своего обычного агрономического страдания.

— Помнишь, — прохрипел он, зажимая нос пальцем, — как мы первый раз встретились? Ты тогда пыталась высушить кружева на моем пугале. Напугала ворон так, что дед Василий неделю думал, что ослеп, потому что птицы исчезли.

Таня замерла. Шишка пульсировала в такт сердцу, которого у неё не было. Она вспомнила. Сеня тогда был молодой, в телогрейке, пахнувший потом и землей. Он смотрел на неё не как на чудовище, а как на бабу, которая неправильно вешает бельё.

— Дурак, — тихо сказала она. — У меня кружева были ручной работы. Венецианские.

— И ты ими чуть мое огородное чучело не удавила от злости, потому что я сказал, что твоя правая грудь... ну, ... выше левой.

Они посмотрели друг на друга.

На полу валялась разбитая банка. Сушеные жабры рассыпались вперемешку с пылью веков.

— У тебя нос сломан, — констатировала Таня, наклоняясь к нему. Нос Семёна действительно смотрел немного вбок, придавая лицу философское выражение.

— Починишь? — жалобно спросил агроном. — Только без твоих этих... некромантских штучек. А то прошлый раз ты мне палец пришивала, и теперь он по ночам танцует лезгинку сам по себе.

Таня вздохнула. Вечность снова показалась длинной. Очень длинной. И чертовски скучной без этой глупой человеческой физиономии рядом.

— Подставляй лицо, садовод-любитель, — буркнула она, доставая из кармана фартука катушку суровых ниток и цыганскую иглу. — И запомни: если ты ещё раз скажешь, что мои помидоры кислые, потому что я их кровью поливала, я зашью тебе рот. Вместе с ушами.

Сеня покорно подставил нос.

Где-то в сенях вздохнул хаски Ленин, закрыл лапами морду и принялся перечитывать «Критику чистого разума». Разум был грязный, но другой философии в Двуречках всё равно не водилось.

Багаж кармического веса, или Прощание славянки в Двуречках

В деревне Двуречки осень наступила внезапно, как инфаркт. Небо затянуло так плотно, что казалось — кто-то просто забыл оплатить счета за электричество на небесах.

У вампира Татьяны было лицо человека, у которого украли любимую игрушку прямо из гроба. Агроном Семен стоял посреди двора с огромным клетчатым баулом. Сумка выглядела так, будто в ней пытались вынести содержимое всего колхоза «Светлый путь», но вор передумал и забрал только самое тяжелое.

— На кого ж ты меня покидаешь, сокол мой сизый? — трагичным басом произнесла Таня, кутаясь в шаль, хотя температура её тела обычно поддерживалась на уровне комнатной прохлады склепа. — Уезжаешь в свою командировку... В этот твой Воронеж. Джунгли бетона и асфальта.

— Татьяна, ну хватит уже Станиславского включать, — буркнул Сеня, пытаясь застегнуть молнию на сумке. Молния сопротивлялась, намекая, что носки внутри взбунтовались. — Это Всероссийский симпозиум по повышению жирности сметаны! Раз в пять лет бывает! Мне там медаль дадут! Возможно, даже шоколадную!

— Знаю я ваши симпозиумы, — фыркнула Таня. — Нажрётесь кефира до зеленых человечков и будете обсуждать кривизну коровьего вымени в условиях глобального потепления. А обо мне ты подумал? Я же существо тонкой душевной организации. Мне нужен уход. И свежая кровь. Группа В минус. Василий-пастух опять женился, говорит — жена не разрешает вену показывать. Бюрократия везде!

Семен выпрямился, вытер пот со лба кепкой и посмотрел на Таню взглядом мученика, идущего на расстрел, но надеющегося выжить назло всем.

— Тань, я всё подготовил. Инструкция на холодильнике. Магнитиком прижата. Там 40 страниц мелким почерком. Читай внимательно.

Таня презрительно дернула плечом.

— Сема, я два века жила без твоих советов. Я помню падение Рима, видела динозавров (правда, издалека и очень пьяная), а ты меня учишь, как крышку унитаза опускать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.